

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Советский писатель

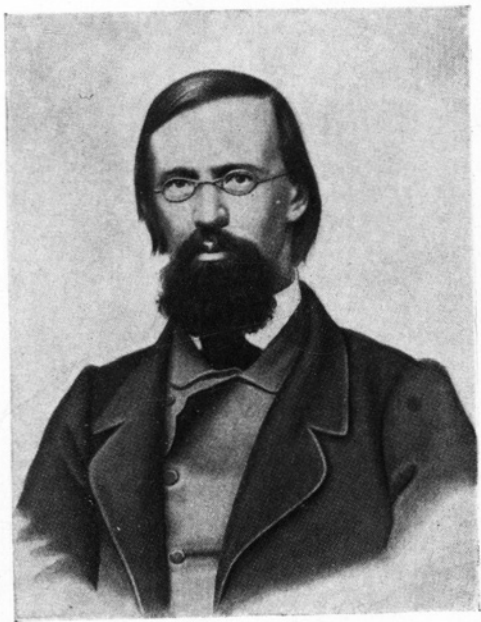
дхс
№ 13
А. М А Й К О В

ИЗБРАННОЕ

22

Л е н и н г р а д . 1 9 5 2

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Н. Гайденова*

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ

I

Майков происходил из старинного дворянского рода, связанного рядом своих представителей с историей русского просвещения и искусства. Один из предков поэта способствовал созданию первого русского публичного театра, основанного Ф. Г. Волковым. Его сын Василий Иванович Майков (1728—1778), брат прадеда поэта, был известным писателем, автором героико-комической поэмы «Елисей, или Рассерженный Вакх». Дед Майкова служил директором театров, любил литературу и писал стихи.

Интересами искусства и литературы жили и родители поэта.

Мать писала стихи и детские рассказы, которые печатались в больших петербургских журналах, отец был художником и, достигнув самоучкой большого мастерства, стал академиком живописи. В молодости он участвовал в Бородинском сражении и в походах во Францию 1813—1815 гг.,

был либерально настроенным человеком. Но с наступлением аракчеевской реакции он охладел к общественной жизни и замкнулся в круг вопросов искусства и личных, частных интересов. Царившая в доме отца атмосфера почитания «чистого искусства» и снисходительного равнодушия к окружающей действительности рано повлияла на формирование мировоззрения и художественных вкусов будущего поэта.

Аполлон Николаевич Майков родился в Москве 23 мая 1821 года. Детство его прошло в деревне, в подмосковной усадьбе, недалеко от Загорска, среди прекрасной русской природы, ставшей навсегда предметом его любви и лучших поэтических изображений.

Картины бедные полуночного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить
меня!..

(Рыбная ловля)

В 1833 году для подготовки к поступлению в высшую школу мальчика привезли в Петербург, куда через год переехала и вся семья Майковых.

Образованием поэта и его брата Валериана, ставшего позднее ведущим критиком «Отечественных записок», руководил друг

семьи Майковых В. А. Солоницын, писатель и редактор Сенковского по журналу «Библиотека для чтения». Литературу преподавал мальчикам писатель И. А. Гончаров. Для поощрения у детей литературных интересов Солоницын начал с 1836 года издавать рукописный журнал «Подснежник», а позднее альманах «Лунные ночи». В журнале принимали участие взрослые и дети, в том числе и Аполлон Николаевич, с пятнадцати лет начавший писать стихи и с увлечением заниматься живописью. В 1837 году Майков сдал экзамен в Петербургский университет. Незнание греческого языка закрыло ему доступ на филологический факультет, и он поступил на юридический, где наряду с правоведением читались русская словесность, всеобщая история и философия, интересовавшие его. Особенное внимание Майкова в университете привлекли лекции П. А. Плетнева и А. В. Никитенко по русской литературе и занятия латинскими авторами, пробудившие в нем интерес к античному миру. Майков в оригинале читал Горация, Овидия, Проперция и других римских поэтов, а с греческой поэзией знакомился по французским переводам. Увлечение искусством находило поддержку в среде, окружавшей поэта. Дом Майковых был одним из известных литературных салонов столицы. Кроме ближайших друзей — В. Солоницына, И. Гончарова, В. Бенедиктова и др., у Май-

ковых бывали музыканты, художники, начинающие писатели — И. И. Панаев, С. С. Дудышкин, а позднее И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский. «Семья Майковых, — по словам Гончарова, — кипела жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусства. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30 и 40 годов — все толпились в не обширных, не блестящих, но уютных залах, и все вместе с хозяевами составляли какую-то братскую семью или школу, где все учились друг у друга, размениваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусства».¹

Некоторое время Майков затруднялся в выборе своего призвания между поэзией и живописью. Но вопрос о призвании вскоре был окончательно решен в пользу поэзии, так как дальнейшему развитию живописных способностей Майкова мешала его природная близорукость, а для совершенствования поэтического таланта, признанного с первых его стихотворных опытов, не было никаких видимых препятствий. Но живописец навсегда сохранился в поэте Майкове.

В 1838 году Никитенко в Петербурге,

¹ М. Л. Златковский. Аполлон Николаевич Майков. П. 1888, стр. 10.

а Шевырев в Москве читали студентам университета стихи неизвестного, нигде еще не печатавшегося поэта Майкова. Этот год признания и успеха Майков считал началом своей литературной деятельности. В 1840 году в «Одесском альманахе» появились его первые печатные стихи «Сон» и «Картина вечера», подписанные буквой М. Стихи привлекли внимание Белинского. Великий критик в небольшой заметке об «Одесском альманахе» перепечатал стихотворение «Сон» и с высокой похвалой отозвался об его достоинстве и таланте неизвестного автора. С этого года на страницах «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» начинают появляться стихи Майкова, встречая общее признание критики. В 1841 году Майков окончил университет и в январе 1842 года был зачислен на службу в Государственное казначейство. Вскоре вышел первый сборник «Стихотворения А. Майкова». Белинский посвятил этому сборнику отдельную статью и ряд замечаний в критическом обзоре «Русская литература в 1842 году». Оценивая стихи Майкова, критик писал: «Это большое приобретение для русской поэзии, важный факт в истории ее развития». Вместе с тем он указывал на идейную ограниченность поэта, говоря: «Но жаль было бы, если б только на этом остановился г. Майков. Антологические стихотворения, как бы ни были хороши, — не более, как пробный ка-

мень артистического элемента в поэте». ¹ Плетнев писал Я. Гроту о сборнике Майкова: «Эта книга меня усладила. Кажется, я читал идеи Дельвига, переданные стихами Пушкина». Читателя привлекала в стихах Майкова, в противоположность романтическим штампам и туманным элегиям большинства поэтов 30-х годов, поэтическая свежесть и ясность образов, «простодушные и возвышенность в тоне», одухотворенное изящество и «грация формы», как писал Белинский. ² Но Белинского, как и всех передовых людей России, остро переживавших гнет самодержавной реакции Николая I, не удовлетворяла поэзия Майкова своим идиллическим оптимизмом и наивным отношением к жизни. Это и выразил в своих статьях великий критик-демократ.

В 1842 году Майков уезжает на два года за границу. Он живет в Италии и Франции, слушает в Сорбонне лекции, а на обратном пути в Россию посещает Прагу, желая ближе узнать прошлое и настоящее славянства, установить связь с деятелями славянской культуры.

В Праге Майков познакомился с чешскими учеными и художниками и особенно сблизился с Шафариком, который привлек его

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 17.

² Там же, т. VI, стр. 266.

внимание своими филологическими исследованиями. Пребывание в Праге способствовало пробуждению у Майкова славянофильских настроений, с особенной силой сказавшихся в его творчестве начиная с 50-х годов.

Результатом жизни в Италии явился цикл стихов «Очерки Рима», в которых, хотя и условно-идиллически, отразились впечатления, навеянные уже современной итальянской жизнью, и наметился отход от принципов антологической лирики, чуждой каких-либо современных мотивов. В стихотворении «*Samragna di Roma*», описывая «величие и ужас запустенья» классического Рима, Майков показывает и трагическую нищету современной Италии. Увидев голодного мальчика-пастуха, протягивающего руку за подающим, поэт говорит:

Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

Стихи из цикла «Очерки Рима» сначала печатались в журналах «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения», а затем в 1847 году вышли отдельным сборником.

В 1844 году Майков возвратился из-за границы и поступил на службу в Румянцевский музей помощником главного библиоте-

каря. Здесь прослужил он до 1852 года, когда музей был переведен в Москву. В это время обострившиеся социальные противоречия пробуждают у Майкова интерес к вопросам современной общественной жизни, и он отходит от прежних позиций поэта «чистого искусства», начиная новый период своего творчества.

Со второй половины 40-х годов он сближается с Белинским и прогрессивными писателями-реалистами, группировавшимися около великого критика. В это же время Майков знакомится с петрашевцами, посещает их собрания, а в 1849 году вместе с ними подвергается аресту.

«Благонамеренным» консерваторам Майков этих лет казался даже крайним революционером, каким он изображен в повести Авдотьи Глинки «Леонид Степанович и Людмила Сергеевна». Но если общение с Белинским и петрашевцами не сделало Майкова революционером, то оно ввело его в круг передовых демократических идей его времени и оказало положительное влияние на его творчество второй половины 40-х годов.

Майков теперь обращается к общественной тематике и создает поэмы «Две судьбы», «Машенька», стихотворение «Барышне», в которых изображает современную русскую действительность с ее социальными противоречиями. Пафосом этих произведений явилась гуманистическая защита забитого и уни-

женного человека, утверждение его прав и недовольство той частью дворянского класса, которая хранит

Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тщеславие наследственного барства.

По тематике, гуманистическому содержанию и поэтическим принципам названные произведения близки повестям «натуральной школы». «Машенька» была напечатана в 1846 году в «Петербургском сборнике» Некрасова, явившемся творческой декларацией демократических принципов русской литературы. Белинский приветствовал появление обеих поэм, которые, по его словам, свидетельствуют, что талант Майкова «не ограничен исключительно тесным кругом антологической поэзии и что ему предстоит в будущем богатое развитие». ¹

«Машенька», — писал Белинский, — отличается красотами необыкновенными», а «Две судьбы», по его словам, — «поэма, богатая поэзией, прекрасная по мысли, многосторонняя по мотивам и краскам». Чернышевский, говоря о поэме «Две судьбы», указывал, что в ней «одно замечательно: жаркая, пламенная любовь к отечеству и науке». ² Майков,

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 108.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 47.

по его словам, задумывается в этой поэме «над решением сложной задачи о современном человеке»¹ и дает в образе своего героя яркий комментарий к поэме Пушкина «Цыгане», уясняющий нам природу характера Алеко, его индивидуализм и барское безучастие ко всему окружающему.

Однако влияние Белинского и петрашевцев было воспринято Майковым неглубоко и непрочно. Уже с начала 50-х годов он отходит от своих недавних убеждений, сводившихся, по его словам, к признанию того, что «старый мир с его религией, устройством общества отживает, нужен новый...»

Отказ от этих настроений отразился в творчестве Майкова начала 50-х годов: в псевдонародной идиллии «Дурочка» (1851), утверждающей, что нравственная красота человека заключена в смирении и юродстве; в лирической драме «Три смерти» (1852), поэтизирующей мужественную смерть последних представителей античного мира, которые хотя и признают: «Быть может... истина не с нами!», однако от новой истины отказываются, предпочитая умереть верными старым идеалам; в биографической поэме «Сны» (1856—1858), повествующей о духовном пути героя, который приходит к признанию:

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 644.

«Обманут верой страстной, я в жизни изнемог», и в ряде других произведений.

Выход из пережитых сомнений Майков ищет в это время на путях сближения с журналом «Москвитянин», когда существовали две его редакции — «старая» во главе с Погодиным и «молодая», в состав которой входили А. Григорьев, Алмазов, Эдельсон и др. «Молодая редакция» «Москвитянина» своей реакционной проповедью социального мира и отрицанием классовых противоречий внутри наций способствовала переходу Майкова к открытой защите николаевского самодержавия, а позднее и к идеям официальной народности.

В 1854 году Майков откликнулся на события Крымской войны изданием сборника стихов «1854 год», проникнутого славянофильскими настроениями и отражавшего прямое влияние на автора официозно-монархических лозунгов николаевского царствования.

В число девяти стихотворений, составивших сборник, вошли угоднически прославляющее Николая I стихотворение «Коляска» и реакционно-шовинистическая сатира на демократическую Францию «Арлекин». Эти стихи вызвали возмущение передовой части русского общества: Майков был прозван Аполлоном Коляскиным и осмеян в ряде эпиграмм, в частности в некрасовском «Послании к М. Н. Лонгинову». Н. Щербина в своей сатире охарактеризовал Майкова так:

Он Булгарин в «Арлекине»,
А в «Коляске» Дуббельт он,
Так исподличался ныне
Петербургский Аполлон.

Во второй половине 50-х годов, когда стала явной необходимость социальных перемен в России, верноподданнические мотивы в творчестве Майкова отступают на задний план и сменяются мотивами либерально-дидактическими, умеренно-обличительными. Для Майкова этих лет характерны такие стихи, как: «Над прахом гения свершать святую тризну», «Рыбная ловля», «Болото», «Нива», «Бабушка и внучек», «Мать и дочь», «Песни» и др. Признавая необходимость отмены крепостного права, Майков приходит в это время к выводу, что «дворянству остается одно — слияние с народом в одну массу землевладельцев, в которой оно будет играть важнейшую роль там по причине своего большого образования».¹

С этих позиций реформа 1861 года, осуществленная Александром II в интересах дворянства, была восторженно принята Майковым. Появились его сентиментально-идиллические стихи «Картинка» и «Поля». Началась борьба его с передовой революционно-

¹ Письмо А. Майкова к М. Каткову от 28 апреля 1860 г. Архив М. Н. Каткова во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина.

демократической мыслью. В письме к М. Златковскому Майков раскрывает эволюцию своего мировоззрения: «Около этого времени (т. е. около 1851 г. — Н. Г.) познакомился я с молодой редакцией «Москвитянина», с Аполлоном Григорьевым, Островским, Писемским, Эдельсоном и с самим Погодиным, со славянофилами. Здесь показалось мне более правды, чем в западническом наклоне; но приняв кое-что из идей старых славянофилов, я не мог принять вполне их учения, принял основы, почуя в них историческую правду, но отверг выводы как фантастические и отвергающие историю, а с ней и целую российскую империю. На почве славянофилов, но с твердою идеей государства, и с полным признанием послепетровской истории были тогда Погодин и Катков: это цельно, это органически разумно, и это меня сблизило с ними».

Закреплению реакционных взглядов Майкова способствовало его служебное положение: с 1852 года в течение 44 лет он служил в Петербургском комитете иностранной цензуры сначала в должности цензора, а затем председателя цензурного комитета.

Отрицательную роль сыграла для Майкова и дружба с Достоевским, завязавшаяся еще в кружке петрашевцев. С середины 60-х годов окончательно определились идейные позиции Майкова: он прочно осел в лагере реакции. Это встретило решительное осу-

ждение со стороны революционно-демократических критиков и близких им поэтов «Искры». За частые перемены общественных взглядов, переходившие в идейную беспринципность, Майков был прозван «флюгер-поэтом». Щербина говорил: «Видеть Майкова во сне — к перемене погоды». Стоит вспомнить либерально-демократические увлечения Майкова во второй половине 40-х годов, сомнение в них в начале 50-х, прославление Николая I в половине 50-х, либеральный дидактизм конца 50-х гг., осуждение Николая I в 1861 году (в письме к Каткову он писал: «Все, что было зло на новое... поспешило вдруг проявиться во всем блеске николаевщины...») и окончательный переход на реакционные позиции в середине 60-х годов — как станет ясной справедливость данного Майкову прозвища «флюгер-поэта».

В 1862 году Чернышевский писал, что «г. Майков на все смотрит, как на предлог для написания пышных стихов: едет кто-нибудь в коляске, — он сейчас напишет стихи в честь проезжему; объявят рекрутский набор, — он напишет стихи в честь рекрутского набора; ¹ полагаю, что если бы случилось землетрясение (от которого спаси нас бог! но опять-таки: все мы под богом ходим), —

¹ Имеются в виду стихотворения «Коляска» (о нем — см. выше) и «О том, как отставной солдат Перфильев пошел на вторичную службу».

он написал бы стихи в честь землетрясения». ¹

Щедрин, относя раннюю поэзию Майкова к искусству, которое «улаждало досуги досужих людей», признавал в нем, однако, известные поэтические достоинства, но совершенно отрицал их в поэзии Майкова шестидесятых годов. Обращаясь к Майкову, великий сатирик писал: «Поэт! если ты из мирозерцания своего выжал последние соки, то замолчи!» Особенное негодование вызывали у революционных демократов слащаво-умилительные стихи типа «Картинки», прославляющие реформу 1861 года. «Здесь, что ни слово, — писал Щедрин, — то фальшь. Г. Майков сумел соорудить водевильно-грациозную картину даже из такого дела, которое всего менее терпит водевильную грациозность». ²

Зло пародировал Добролюбов семь стихотворений Майкова в своей синтетической пародии «Жизнь мировую понять я старался» ³ и отдельно стихотворение Майкова «Нива» — в пародии «Лето».

С половины 60-х годов Майков обратился

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 71.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. V, М., 1937, стр. 374 и 379.

³ См. статью Б. Бухштаба «Добролюбов-пародист». Известия Акад. наук СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 1—2.

к занятиям историей, которые способствовали созданию стихотворений на исторические темы («В Городце в 1263 году», «У гроба Грозного», «Емшан», «Кто он?» и др.) и псевдопатриотических «Рассказов из русской истории для детей и народа». В 80-е годы Майков долго и упорно занимался изучением устной народной поэзии и «Слова о полку Игореве», назвав позднее эти занятия «вторым университетом» по филологическому факультету. В 1889 году им был закончен перевод «Слова», не утративший своей научной и художественной ценности до нашего времени.

Последним большим художественным произведением Майкова была философско-лирическая драма «Два мира» (1880), утверждавшая мировоззрение христианства и противопоставлявшая Восток Западу, христианский идеализм — языческому материализму.

В оставшиеся годы жизни Майков писал мало. Им, кроме перевода «Слова о полку Игореве», были написаны поэма «Брингильда» и ряд лирических стихотворений на философские темы. Умер Майков в Петербурге в 1897 году.

2

За шестидесятилетний период литературной деятельности Майков прошел сложный творческий путь. Начав поэтическую деятельность с антологических стихов, он выступил, по словам Белинского, как «опытный, иску-

шенный художник», владеющий «стихом, который у него напоминает стих первых мастеров русской поэзии...» Но вместе с тем уже первые поэтические опыты обнаружили ограниченность его мировоззрения, поэтически условное, наивное восприятие жизни, которое наложило печать ограниченности на все творчество Майкова — изображал ли он природу, античный мир, историю или душевную жизнь человека. Белинский, положительно оценивая антологические стихи Майкова, указывал, что слабость их — в поэтической односторонности, в преобладании элемента «наивной» и прекрасной природы, заслоняющей явления «высшего мира — мира нравственного, мира судеб человека, народов, человечества». ¹ Как «гармоническое единство с природой, проникнутое разумностью и изяществом», не отражало сложности античного мира, знавшего, кроме идиллии и застольной песни, трагедию жизни, так и в силу тех же причин творчество Майкова не отражало всего богатства и своеобразия ни русской природы, ни русской жизни.

Природа является главным источником поэзии Майкова. Нет почти ни одного стихотворения, где бы не давалось ее изображение прямо или в связи с иной темой, очень часто темой искусства, поэтического творче-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 94.

ства, любви, философских размышлений («Я в гроте ждал», «Сомнение», «Е. П. М.» и др.). Но картины природы Майкова, при всей их зрительной конкретности и предметной точности, отличаются статичностью и однообразием. Поэт всегда предпочитает дневные, солнечные, яркие, тихие и спокойные виды природы, гармонически сочетающиеся с наивно-радостным чувством жизни, с созерцательным наслаждением красотой.

Ему чуждо ощущение бурной силы стихий, сознание противоречия между ними и человеком, которое преодолевается творческой борьбой с природой, разумным подчинением ее человеческой воле.

Море, горы, редко встречающиеся среди пейзажей Майкова, изображаются всегда в моменты их покоя и тишины и вызывают поэтому чувства, родственные впечатлениям от равнины, заросшего сада, затерянного лесного озера, болота, глубокой и тихой реки и т. д. Сам Майков говорит об этом в стихотворении «Болото», где совершенно различные картины природы вызывают у него одинаковые чувства.

Такое восприятие природы типично для Майкова. Ярким примером этого может служить изображение природы в стихотворениях «Рыбная ловля», «Пейзаж», «Весна», «У Мраморного моря».

Введение в пейзаж человека лишь усиливает выражаемые Майковым чувства гармо-

нического слияния с природой, так как человек берется в аспекте того же единства с природой:

Чу! шорох — я смотрю: вокруг гнилого пня,
Над муравейником, алеет земляника,
И ветки спелые манят к себе меня...
Но вижу — разобрав тростник сухой и тонкий,
К пурпурным ягодам две бледные ручонки
Тихонько тянутся... как легкий, резвый сон,
Головка детская является, роняя
Густые локоны, серебристые, как лен...
Одно движение — и нимфочка лесная,
Мгновенно оробев, малиновки быстрее,
Скрывается среди качнувшихся ветвей.

(«И город вот опять! Опять сияет бал»)

Той же эстетической ограниченностью отличается у Майкова изображение жизни человека. Человек рисуется вне связей с современной общественной жизнью, вне тревог и жизненных противоречий, обусловленных социальной действительностью. Поэтому при всей своей художественной цельности эти стихи лишены исторической конкретности и глубины: они поэтически абстрактны и идейно бедны.

Понимая идеалистически внутреннюю жизнь человека, Майков показывает власть над нею мечты, красоты, идеала и веры, независимых от реальной действительности и общественной среды («Розы», «Дурочка», «Пульчинель» и др.). Ложная трактовка внутрен-

ней жизни человека делает эти стихи Майкова риторичными и художественно неубедительными.

Большое место в творчестве Майкова занимают темы русской и мировой истории. Но произведения на эти темы поэтически наиболее слабы, так как большая часть их создавалась после 1861 года, когда окончательно определилось реакционное мировоззрение Майкова, снизившее художественный уровень его творчества.

Майков отрицал существование общих законов истории, преемственность и духовный прогресс в жизни человечества. Мировую историю он представлял как историю народов, проходящих во все эпохи одинаковый путь развития, замкнутых в своем культурном творчестве кругом вечных идей, которые лишь получали различное внешнее выражение в жизни каждого народа. Поэтому в произведениях, посвященных истории, внимание Майкова привлекали не социальные проблемы, а проблемы психологические и отвлеченно-философские. Соответственно этому герои трактуются у него как яркие психологические типы, носители идей, независимо от социально-исторических особенностей эпохи и жизни народа. Историчность таких произведений ограничивается внешним, поверхностным отражением эпохи в отдельно взятой детали, в сюжете или в общем фоне, на котором раскрывается образ героя.

Но при всей реакционности взглядов Майкова на историю, близких славянофилам, он, в отличие от славянофилов, не отвергал прогрессивной роли петровских преобразований, видел необходимость для России широкого просвещения, развития промышленности и культуры. Защищая просвещение, Майков осуждал отношение самодержавия к науке. В одном из незаконченных и неопубликованных стихотворений он писал:

Давно уж царская опала,
Как божий гнев,
Науку русскую снесла.¹

Защите науки, искусства и религиозной свободы посвящены поэмы «Савонарола», «Приговор», осуждающие равнодушие к истине, мракобесие и деспотизм.

Враждебно относился Майков к буржуазному миру «Астарты и Ваала», в котором он видел эгоизм, корысть и пренебрежительное отношение к культуре. Этому миру он бросает «перчатку с вызовом на бой».

Эти положительные идеи, а также любовь к народному творчеству и знание его, вопреки реакционному, по существу, мировоззрению Майкова, позволили ему в произведениях на темы русской истории показать, хотя и недостаточно совершенно, националь-

¹ Архив А. Н. Майкова в Институте русской литературы Академии наук СССР.

ный героизм, государственный пафос и патриотизм некоторых деятелей исторического прошлого.

Майков создал образы Александра Невского, Ивана Грозного, которому впервые в русской художественной литературе он дал положительную оценку, образ Петра Первого. Но никогда Майкову не удавалось поэтически правдиво изобразить героическую силу и патриотизм русского народа, о чем свидетельствует его «Сказание о 1812».

Идейно-художественное своеобразие творчества Майкова всецело определяется его идеологической позицией и местом в литературной борьбе 40-х—60-х годов.

Передовая русская поэзия этого времени продолжала развитие пушкинских традиций, утверждая в новых исторических условиях демократизм, реализм, верность освободительным идеям. Ее содержанием становится отражение общественной жизни и насущных интересов трудового народа. 60-е годы были торжеством революционно-демократического направления в русской поэзии, идеологами и вдохновителями которого являлись Чернышевский и Добролюбов. Пушкинские традиции были подняты на новую высоту в творчестве Некрасова, с наибольшей глубиной и яркостью отразившего русскую жизнь и передовое революционно-демократическое сознание своего времени.

На борьбу с прогрессивным развитием

русской литературы выступили сторонники реакционной теории «чистого искусства» Боткин, Дружинин, Анненков и солидаризировавшиеся с ними дворянские поэты А. Толстой, А. Фет, Ф. Тютчев, А. Майков и др., противопоставившие свое творчество требованиям эпохи, революционной борьбе за освобождение трудового народа.

Оторванные от современного развития русской общественной жизни, отставшие от своей эпохи, дворянские поэты не могли быть продолжателями пушкинского наследия, хотя и считали себя без всяких оснований учениками Пушкина.

Поэты «чистого искусства» лишь внешне восприняли пушкинские традиции, отвергнув в них главное — социальную направленность, реализм, стремление к широте охвата изображаемой жизни. Они оставались в пределах старой тематики пассивного романтизма 10—20-х годов, но не удовлетворялись уже субъективно-элегическим методом раскрытия этих тем. Поэты «чистого искусства» стремились выйти за рамки интимных переживаний субъекта в область философской мысли, объективного изображения природы, душевной жизни, но они никогда не изображали лирического героя в широкой связи с общественной жизнью. Внешне воспринятые пушкинские традиции они использовали для реставрации отживших литера-

турных направлений: романтизма (Тютчев и Фет), классицизма (Майков).

Майков выражал взгляды той части умеренно-либерального дворянства, которая была неразрывно связана с культурными традициями своего класса, признавала разумность и незыблемость основ дворянской монархии. Она осуждала жестокости крепостничества, но объясняла их недостатком просвещенности и культуры, веря в то, что без ломки и борьбы мирное развитие жизни приведет к торжеству «вечных истин» и социальной справедливости. Печать идейной ограниченности, наивной веры в силу поэтической мечты, печать идилического спокойствия, не знающего сомнений и социальных противоречий, лежит на всем творчестве Майкова.

Поэтому пушкинские реалистические традиции у Майкова нашли ограниченное и, по существу, только внешнее отражение.

Так, Майковым были усвоены пушкинские принципы точности и объективной конкретности в описании, логической ясности в развитии темы, простоты образов и сравнений. В этом смысле он даже несколько опередил своих поэтических соратников — Тютчева и Фета.

В отличие от них, Майков не жалуется на бессилие слова. Он признавал поэтичным лишь то, что ясно выражено; все же смутно-тревожное, невыразимое он исключал из поэ-

тического обихода. В силу этого Майков не мог принять творческого девиза Фета:

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами,
Звуком на душу навей.

Если у Фета стихи «вырываются», а поэт, по его словам, «есть сумасшедший... лепечущий божественный вздор», в котором мудрено, читая строчку, отгадать следующую, то поэзия Майкова прямо противоположна этим определениям. У него стих «растет», «слагается» и «прозябают мысли», тема последовательно развивается и не знает резких отклонений.

Поэтические картины природы даются Майковым чаще всего как живописные зарисовки, отличающиеся полнотой и цельностью изображения, метким и выразительным воспроизведением деталей. Но отбор деталей, порядок и характер их описания, как и вся картина, всегда подчинены идее и связанному с нею лирическому чувству, лаконичным выражением которых завершается стихотворение. Это делает стихи стройными, цельными, законченными и логически последовательными, но вместе с тем рассудочными, сухими и аллегорическими. На аллегорический дидактизм поэзии Майкова указывал Добролюбов в рецензии на «Сборник из-

бренных мест из произведений современных русских писателей»: ¹ «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения Майкова «Нива»? Взгляд на работы поселян на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это — поэзия!» ²

В другом месте, имея в виду Майкова, Добролюбов писал: «Этот поэт-мыслитель замечателен особенно тем, что природа со всеми своими красами для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусственным принарождениям и соображениям, почерпнутым из высшей жизни духа». ³

Принцип аллегорического применения пейзажей, антологических картин, сюжетов к мысли и чувству поэта является главной особенностью художественного метода Майкова. В отношении своих антологических стихов признавал это в известной мере и сам Майков. В статье о «Греческих стихотворениях Николая Щербины» он писал, что в антологических стихах выражается эпикурейский взгляд на жизнь в «возможно совершенной

¹ См. об этом статью Б. Бухштаба «Добролюбов-пародист». Известия Ак. наук СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 1—2.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, 1939, стр. 501.

³ Там же, т. VI, стр. 50.

форме, образы которой мы находим у древних». ¹ То же мы наблюдаем и в других жанрах поэзии Майкова. Это и сближает принципы майковской поэтики с классицизмом, а частично и с некоторыми чертами поэтики Батюшкова и Пушкина (предметной точностью и конкретностью описаний, простотой поэтической речи и т. д.).

В результате мысли и чувства поэта, выраженные в стихах, обретали предметную четкость, обусловленность и логичность. Они как бы вытекали из той или иной поэтической картины, были закономерным следствием ее.

Нетрудно заметить при этом, что испытываемые героем чувства и вызывающие их картины природы даются в одной и той же интонации, с позиции созерцающего поэта, а не переживающего лирического героя, с которым поэт Майков никогда не сливается. Характерным примером может служить стихотворение «Весна! выставляется первая рама», в котором вслед за картиной весны, в том же тоне, почти лишенном лирической экспрессии, что подчеркивают безличные формы предложений («мне в душу повеяло... И хочется в поле...»), описывается вызванное этой картиной чувство. Таким образом, лирическое содержание стихотворения утрачивает субъективную форму и при-

¹ «Отечественные записки» 1850, № 6, стр. 62.

обретает черты предметно-объективной обусловленности, в чем и заключается сущность пластичности, скульптурности поэзии Майкова, на которую обыкновенно указывала критика. В Майкове-поэте всегда виден живописец. Не случайно в молодости он писал картины на сюжеты своих стихов, как об этом рассказывает один из художников 40-х годов — Раев.

Кроме указанных особенностей, лирике Майкова свойственно тяготение к сюжетности, преодолевающей лиризм и подчиняющей его эпическому рассказу. Подобная тенденция характерна для лирики Пушкина 30-х годов («Вновь я посетил тот уголок», «Полководец», «Художнику» и др.), для всей лирики Некрасова, включая любовную, для произведений некоторых советских поэтов. Но лирическая сюжетность Пушкина и Некрасова, как и советских поэтов, связана с широким социальным содержанием действительности (например, обращение к молодому поколению в стихотворении Пушкина «Вновь я посетил...», протест против современной социальной действительности, противоречия которой являются источником трагедии любящих, в стихотворении Некрасова «Еду ли ночью...»). А лирическая сюжетность Майкова лишена связи с современной социальной действительностью, замкнута рамками условно-поэтического отношения к жизни и «общечеловеческого» содержания.

Предметной конкретности поэзии Майкова соответствуют особенности его поэтической речи, всегда простой и ясной по своему лексическому составу и синтаксическому строю, одинаково чуждой как изысканности и манерному изяществу, так и вульгарности и натурализму.

Поэтическая система Майкова чужда и враждебна декадентству, которое он осмеивал в ряде оставшихся неопубликованными стихотворений. Он писал:

У декадента все — что там ни говори —
Как бы наыворот — пример тому свидетель:
Он видел музыку, он слушал блеск зари,
Он обонял звезду, он щупал добродетель.¹

Майков всегда употреблял слово в его точном значении. Его поэзия представляет пример высокого словесного мастерства. В соответствии с принципом наглядности изображения, он предпочитает зрительные эпитеты и сравнения, например: янтарный мед, огненный куст настурций, грудой кудрявых груздей, сияньем палевым, незабудок сочных бирюза, прозрачными клубами, темных сосен сторукие стволы и т. д.

Поэтическая речь Майкова строится по методу последовательного монологического повествования, не нарушаемого лирической экспрессией. Она чужда как принципам речи

¹ Архив А. Н. Майкова.

разговорной, предполагающей неполноту выражения, недомолвки и логические отклонения, так и речи «внутренней», характерной, например, для поэзии Фета. При этом существенно, что повествование у Майкова тяготеет к сложным синтаксическим построениям, передающим монологические свойства речи: например, стихотворение «Сон» состоит из одного предложения, заключающего в себе 16 стихов; стихотворение «Мечтания» состоит из восемнадцати стихов, заключенных в двух предложениях.

Тон речи Майкова всегда несколько торжественный, окрашенный сдержанным лиризмом, который звучит в одном стилевом ключе, в одной тональности. Такое построение речи представляет пример полного соответствия между скульптурно-замкнутым поэтическим содержанием и речевым его выражением. В одном и том же произведении нельзя встретить разные речевые интонации и слова из различных стилистических рядов, как мы встречаем у Пушкина, например, в стихотворении «Осень», у Некрасова, в советской поэзии, особенно у Маяковского. Имея в виду речевую ограниченность Майкова, Минаев писал о нем:

Чуждый житейских тревог,
Бредит он небом Италии,
В песнях не скажет — сапог,
Скажет наверно — сандалии.

Эта особенность речи вместе с указанными чертами лирики Майкова, при всем его мастерстве и умении найти нужное слово и по интонации и по значению, накладывает печать монотонности и сухости на его творчество и указывает на ограниченность его поэзии.

Одноплановость речи, подчиненность ее одной стилистической тональности и поэтической условности приводили иногда Майкова, вопреки его мастерству, к абсурдным сравнениям, например:

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!

Здесь слово «гальциона» употреблено лишь по стилистическому соответствию, по условно поэтическому его звучанию, но по значению оно противоположно выражаемому в стихотворении смыслу, так как гальциона не поет, а, подобно чайке, издает крик. Кроме того, она легко привыкает к неволе, поэтому эпитет «вольный» к ней мало подходит. Можно указать также на неправильное употребление слова «аканф» в стихотворении «Вакханка». Так называется колючее, стелющееся по земле растение, которое не может спадать, как плющ, «на кожу тигрову», но у Майкова это происходит по тем же стилистическим причинам.

Ограниченность художественных принци-

пов Майкова есть прямое отражение его консерватизма и оторванности от прогрессивной русской жизни, которые с особенной силой обнаружались в его чуждых для нас политических и философских стихах, в его поздних поэмах и лирической драме «Два мира».

Но яркие картины природы, скульптурная выразительность антологических стихов, поэтическое мастерство лирики Майкова были по достоинству оценены читателями.

Наиболее ценные произведения Майкова пользовались широкой известностью, входили в школьные хрестоматии, перелagались на музыку. Они-то и сохранили свое художественное значение до наших дней и вызывают к себе интерес советских читателей.

Н. Гайденков

I

ВОСПОМИНАНИЕ

В забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое в нем вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать...
Так путник приходит чрез многие годы
Под кровли отеческой мирные своды.
Забор его дома травую оброс,
И привязи псов у крыльца позабыты;
Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнезда над окнами свиты;
Но все в тишине ему кажется вдруг,
Что жив еще встарь обитавший здесь дух.

1838

КАРТИНА ВЕЧЕРА

Люблю я берег сей пустынной,
Когда с зарею лоно вод
Его, ласкаясь, обоймет
Дугой излучистой и длинной.
Там в мелководье, по песку,
Стада спустилися лениво;
Там темные сады в реку
Глядятся зеленью стыдливой;
Там ива на воды легла,
На вервях мачта там уснула,
И в глади водного стекла
Их отраженье потонуло.

1838

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров,
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге

отражаясь, —

Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;

И там, в урочный час, с улыбкой уст

приветных,

В венце дрожащих звезд и маков

темноцветных,

С таинственных высот, воздушною стезей

Богиня мирная, являясь предо мной,

Сияньем палевым главу мне обливает

И очи тихою рукою закрывает,

И, кудри подобрав, головой склоняясь ко мне,

Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

Вхожу с смущением в забытые палаты,
Блестящий некогда, но ныне сном объятый
Приют державных дум и царственных забав.
Все пусто. Времени губительный устав
Во всем величии здесь блещет: все
мертвеет!

В аркадах мраморных молчанье цепенеет;
Вкруг гордых колоннад с старинною резьбой
Ель пышно разрослась, и в зелени густой,
Под сенью древних лип и золотых акаций,
Белеют кое-где статуи нимф и граций.
Гремевший водомет из пасти медных львов
Замолк; широкий лист висит с нагих
столбов,

Качаясь по ветру... О, где в аллеях спящих
Красавиц легкий рой, звон колесниц
блестящих?

Не слышно уж литавр бряцанья; пирный звук
Умолк, и стих давно оружия бранный стук;
Но мир, волшебный сон в забытые чертоги
Вселились, — новые, неведомые боги!

ГЕЗИОД

Во дни минувшие, дни радости блаженной,
Лились млеко и мед с божественных холмов
К долинам бархатным Аонии священной
И силой дивною, как нектаром богов,
Питали гения младенческие силы;
И нимфы юные, толпою легкокрылой,
Покинув Геликон, при блеске звезд золотых,
Руками соплетясь у мирной колыбели,
Венчанной розами, плясали вокруг и пели,
Амброзией дитя поили и в густых
Дубравах, где шумят из урн каскада воды,
Лелеяли его младенческие годы...
И рано лирою певец овладевал:
И лес и водопад пред нею умолкал,
Наяды, всплыв из волн, внимали ей
стыдливо
И львы к стопам певца золотой склонялись
гривой.

МЫСЛЬ ПОЭТА

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блеске розовой зари?

1839

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
Из хижин ранний дым разносится клубами
В янтарном зареве пылающих небес.
В раздумии глядит на обнаженный лес,
На дома, крытые ковром молодого снега,
На зеркало реки, застынувшей у берега,
Светила дневного кровавое ядро.
Отливом пурпурным блестит снегов сребро;
Иглистым инеем, как будто пухом белым,
Унижена кора по ветвям помертвелым.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узор,
Картиной новою увеселять свой взор;
Люблю в тиши смотреть, как раннюю порою
Деревня весело встречается с зимою:
Там по льду, гладкому и скользкому, реки
Свистят и искрятся визгливые коньки;
На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чинит,
И сладостно ему вспомнить прежний быт,
Взирая на стекло окованной пучины,
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
И свой хранительный под нивами залив,

И про счастливый лов в часы безмолвной
ночи,

Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь
И светят рыбаку свой невод подымать.

1839

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят — поэзия мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальных
Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кристальных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток,
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;
Пусть так! но в полдень листьев шопот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовью приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явлениям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты!

1839

ЭХО И МОЛЧАНИЕ

Осень срывала поблекшие листья
С бледных деревьев, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящего льда...
Грустный, блуждая в лесу обнаженном,
В чаше глубокой под дубом и елью
Мирно уснувших двух нимф я увидел.
Ветер играл их густыми волосами,
Веял, клубил их зеленые ризы,
Нежно их жаркие лица лобзая.
Вдруг за горами послышался топот,
Лаянье псов и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумом испугана, в чашу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
С хохотом резким, с пригорка к пригорку,
С холма на холм, из лощины в лощину,
Быстро кидалась, и вот, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лесу голос ее повторялся.

1840

На мысе сем диком, увенчанном бедной
осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью
сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак,
схоронил
Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и прияло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

Все думу тайную в душе моей питает:
 Леса пустынные, где сумрак обитает,
 И грот таинственный, откуда струйка вод
 Меж камней падает, звенит и брызги бьет,
 То прыгает змеей, то нитью из алмаза
 Журчит между корней раскидистого вяза,
 Потом, преграду пней и камней раздробив,
 Бежит средь длинных трав, под сенью
темных ив,
 Разрозненных в корнях, но сплетшихся
ветвями. . .
 Я вижу, кажется, в чаше, поросшей мхом,
 Дриад, увенчанных дубовыми листьями,
 Над урной старика с осоковым венком,
 Сильвана с фавнами, плетущего корзины,
 И Пана кроткого, который у ключа
 Гирлянды вешает из роз и из плюща,
 У входа тайного в свой грот темнопустынный.

1840

ДИОНЕЯ

Право, завидно смотреть нам, как любит
тебя Дионея.
Если ты в цирке на бой гладиаторов
смотришь, иль внемлешь
Мудрым урокам в лицее, иль учишься
мчаться на конях, —
Плачет, ни слова не скажет! Когда же
в пыли ты вернешься, —
Вдруг оживет, и соскочит, и кинется
с воплем,
Крепче, чем плющ вокруг колонны, тебя
обвивает руками:
Слезы на длинных ресницах, в устах
поцелуй и улыбка.

1840

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Я был еще дитя; она уже прекрасна...
Как часто, помню я, с своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя с ней, резвясь,
Младенческой рукой запутывал не раз
Я локоны .ее. Персты мои скользили
По груди, по челу, меж пышных роз и
лилий...

Но чаще посреди поклонников своих,
Надменная, меня ласкала, а на них
Лукаво-нежный взор подняв как бы случайно,
Дарила поцелуй, с насмешливостью тайной,
Устами алыми младенческим устам.
Завидуя в тиши божественным дарам,
Шептали юноши, сгорая в неге страстной:
«О, сколько милых ласк потеряно
напрасно!»

1840

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,
Чтоб мне в зной полдня златого
Рощи, горы усыпить
И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.

1849

ВАКХ

В том гроте сумрачном, покрытом
виноградом,
Сын Зевса был вручен элидским ореадам.
Сокрытый от людей, сокрытый от богов,
Он рос под говор вод и шелест тростников.
Лишь мирный бог лесов, над тихой
колыбелью,
Младенца услаждал волшебною свирелью...
Какой отрадою, среди сладостных забот,
Он нимфам был! Глухой внезапно ожил грот.
Там, кожей барсовой одетый, как в порфиру,
С тимпаном, с тирсом он являлся божеством.
То в играх хмелем и плющом
Опутывал рога, при смехе нимф, сатиру,
То гроздия срывал с изгибистой лозы,
Их связывал в венок, венчал свои волосы,
Иль нектар выжимал, смеясь, своей ручонкой
Из золотых кистей над чашей среброзвонкой,
И тешился, когда струей ему в глаза
Из ягод брызнет сок, прозрачный, как
слеза.

1840

ПОЭЗИЯ

Люби, люби камен, кури им фимиам!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы
нам

Панорма небеса, Фетиды блеск неверный,
И виноградники богатого Фалерна,
И розы Пестума, и в раскаленный день
Бландузия кристалл, и мир его пролады,
И Рима древнего священные громады,
И утром ранний дым сабинских деревень.

1840

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

РАЗДУМЬЕ

Блажен, кто под крылом своих домашних лар
Ведет спокойно век! Ему обильный дар
Прольют все боги: луг его заблещет; нивы
Церера озлатит; акации, оливы
Ветвями дом его обнимут; над прудом
Пирамидальные, стоящие венцом,
Густые тополи взойдут и засребрятся,
И лозы каждый год под осень отягчатся
Кистями сочными: их Вакх благословит...
Не грозен для него светильник Эвменид:
Без страха будет ждать он ужасов Эреба;
А здесь рука его на жертвенники неба
Повергнет не дрожа плоды, янтарный мед,
Их роз гирляндами и миртом обовьет...
Но я бы не желал сей жизни без волненья:
Мне тягостно ее размерное теченье.
Я втайне бы страдал и жаждал бы порой
И бури, и тревог, и воли дорогой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в борении
мятежном
И, крылья распустив, орлом широкобежным,
При общем ужасе, над льдами гор витать,
На бездну упадать и в небе утопать.

1841

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы:
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные ворота
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса:
Ты не являлась...

1841

САФО

I

Зачем венком из листьев лавра
Себе чело я обвила
И лиру миртом убрала?..
Так! Мне оракул Эпидавра
Предрек недаром чашу мук:
Ты мне неверен, милый друг!
Ты очарован новой страстью
У ног красавицы другой.
Но овладеть она тобой,
Скажи, какой умела властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, в ней
Границ холодных не преступит;
Она бессмысленных очей
Не озарит огнем страстей
И вдруг стыдливо не потупит;
Не может локонов убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечам, как бы случайно,
Широко розы разметать.

1841

Звезда божественной Киприды!
Люблю я ранний твой восход,
В часы, как ночь своей хламидой
Восток туманный обовьет.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотит,
Где Вакх, в венце из винограда
И тигра кожей покрыт,
С кипящей чашей председатель.
Ты мир вселяешь средь дубров,
Где нимфа робко пробегает,
За ней влюбленный бог лесов.
Твой луч дрожащий вызывает
Гимн филомелы над ручьем.
Милей в сиянии твоём
Любви мечтательность и нежность,
И взором отраженный взор,
Одежды легкая небрежность,
И полускромный разговор.

1841

ГОРАЦИЙ

1

Скажи мне: чей челнок к скале сей
приплывает?

Кто этот юноша, в венке из алых роз,
Укрыв свой челн в кустах, взбегает на утес
И в гроте на скале тебя он обнимает?..
Как счастлив он!.. Любовь в очах его
горит!..

Но он, неопытный, не знает, как неверно
То море! Как оно обманчиво блестит,
Подобно женщине, темно и лицемерно!
Твоя золотая речь — крыло его ладьи.
Он думает найти любовь и наслажденье,
Но, боже мой! он бурь не слышит
приближенья,

Свирепых моря бурь и страшных бурь любви!
Но мне уж этих гроз не страшно дуновенье:
Я вышел на берег, во храм; богам своим
Гирлянды возложил на жертвенник спасенья
И ризы влажные развесил перед ним.

1841

Легче лани юной ты
Убегаешь предо мною.
Залепечут ли листы,
Ветерок ли над водою
Пробежит, или в кустах
Слышен ящерицы шорох —
Уж ее объемлет страх,
Гнутся ноги, огонь во взорах.
Но я жду, что на бегу
Ты оглянешься к врагу,
И замедлишь шаг, и рядом
Вдруг очутишься со мной,
Страх забыв, потупясь взглядом,
Мне внимая всей душой!

1841

ОВИДИЙ

Один, я погребен пустыней снеговою.
Здесь всем моих стихов гармония чужда,
И некому над ней задуматься порою,
Ей нет ни в чьей душе отзыва и следа.
Зачем же я пою? Зачем же я слагаю
Слова в размерный стих на языке родном?
Кто будет их читать и чувствовать?..

О, знаю,

Их ветер разнесет на берегу пустом!
Лишь эхо повторит мои мечты и муки!..
Но все мне сладостно обманывать себя.
Я жажду услышать страны родимой звуки:
Свои элегии читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голос друга,
Что я в кругу друзей... зову их имена, —
И вот — мне кажется, что дымная лачуга
Присутствием гостей невидимых полна.

1841

МРАМОРНЫЙ ФАВН

Бродил я в глубине запущенного сада.
Гас красный блеск зари. Деревья без
листов

Стояли черные. Осенняя прохлада
Дышала в воздухе. Случайно меж кустов
Открыл я статую: то фавн был, прежде
белый,
Теперь в сору, в пыли, во мху,
позеленелый.

Умильно из ветвей глядел он, а они,
Качаясь по ветру, в лицо его хлестали
И мраморного пня подножие скрывали.
Вкруг липы древние теснились; в глубине
Иные статуи из-за деревьев мелькали;
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся лицом.

Я долго идолом забытым любовался,
И он мне из кустов лукаво улыбался.
Мне стало жаль его. «Ты некогда был бог,
Цинический кумир! Тебе, при флейте
звонкой,
Бывало, человек костер священный жег,

На камне закалал с молитвою ягненка
И кровью орошал тебя... О! расскажи:
Что, жаль тебе тех дней? Как ты расстался
с властью,

Развенчанный? Тогда бывали ближе ль
к счастью

Младые племена? Иль это умной лжи
Несбытний вымысел, их мир и наслажденья?
Иль век одни и те ж земные поколенья?..

Ты улыбаешься?.. Потом была пора,
Ты был свидетелем роскошного двора;
Тебя в развалинах как чудо отыскали,
Тебе разбили сад; вокруг тебя собрали
Тритонов и наяд, афинских мудрецов,
И римских цезарей, и греческих богов;
А все смеялся ты, умильно осклабясь...
Ты видел бальный блеск. По саду

разливаясь,
Гремела музыка. В аллее темной сей

Чета любовников скрывалась от гостей:
Ты был свидетелем их тайного свиданья,
Ты видел ласки их, ты слышал их
лобзанья...

Скажи мне: долго ли хранились клятвы
их

Ненарушимыми? Любовь в сердцах у них
Горела вечно ли, и долее ль, чем имя
И уверенья их, на мраморе твоём
Напечатленные и... смытые дождем?

Иль, может быть, опять под липами
твоими

Являлись они, условившись, с другими?

И твой лукавый смех из-за густых ветвей
С любви их не сорвал предательскую маску,
Не бросил им в лицо стыда живую краску?

• • • • •
Так, молча, взором я статую вопрошал,
А циник мраморный язвительно смеялся.

1841

В ОСТЕРИИ

Пеппо, выпьем!.. Видишь, буря
Разыгралася в горах!
В блеске молний, очи жмуря,
Кони бесятся впотьмах.

Что колпак остроконечный
Ты надвинул на глаза?
Или есть недуг сердечный,
Иль на совести гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду острый нож,
Не боясь суда людского,
Прямо в сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую речь,
Смело в бой полезешь жаркой
И готов в могилу слечь...

Ведь таков и лев свирепой;
Был Андрокл... слышал ли ты?..
Нет? Так выпьем лучше, Пеппо,
Без ученой пустоты!

1841

ИСКУССТВО

Срезал себе я тростник у побережья
шумного моря.
Нем, он забытый лежал в моей хижине
бедной.
Раз увидал его старец прохожий, к ночлегу
В хижину к нам завернувший. (Он был
непонятен,
Чуден на нашей глухой стороне.) Он обрезал
Ствол и отверстий наделал, к устам
приложил их,
И оживленный тростник вдруг исполнился
звуком
Чудным, каким оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефир, зарядив его воды,
Трости коснется и звуком наполнит поморье.

1841

Муза, богиня Олимпа, вручила две
звучные флейты
Рощ покровителю Пану и светлому Фебу.
Феб прикоснулся к божественной флейте,
и чудный
Звук полился из безжизненной трости.
Внимали
Вкруг присмирившие воды, не смея
журчаньем
Песни тревожить, и ветер заснул между
листьев
Древних дубов, и заплакали, тронуты
звуком,
Травы, цветы и деревья; стыдливые нимфы
Слушали, робко толпясь меж сильванов
и фавнов.
Кончил певец и помчался на огненных
конях,
В пурпуре алой зари, на золотой колеснице.
Бедный лесов покровитель напрасно старался
припомнить
Чудные звуки и их воскресить своей
флейтой:
Грустный, он трели выводит, но трели
земные!..

Горький безумец! ты думаешь, небо не
Здесь воскресить на земле? Посмотри: ^{трудно}
С ^{улыбаясь,}взглядом насмешливым слушают нимфы
и фавны.

1841

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Откуда ты, о ключ подгорный,
Катишь звенящие струи?
Кто вызвал вас из бездны черной,
Вы, слезы чистые земли?
На горных главах луч палящий
Кору ль лдяную растопил?
Земли ль из сердца ключ шипящий
Истоки тайные пробил?
Откуда б ни был ты, но сладко
В твоих сверкающих зыбях
Дремать наяде иль украдкой
Свой лик купать в твоих водах;
Отрадно пастырям долины
У вод твоих в свой рог играть,
И девам звонкие кувшины
В студеной влаге погружать.
Таков и ты, о стих поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвал в бездну света?
Кого ты ищешь среди него?
То тайно всем; но всем отрадно
Твоей гармонии внимать,
Любить твой строй, твой лепет складный,
В тебе усладу почерпать.

1841

ВАКХАНКА

Тимпан, и звуки флейт, и плески
вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей потрясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в мрак
дерев;
А там, раскинувшись на мягкий бархат
мхов,
У грота темного, вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Луч солнца, тень листов скользили,
трепетали;
С аканфом и плющом волосы ее спадали
На кожу тигрову, как резвые струи;
Там тирс изломанный, там чаша золотая...
Как дышит виноград на персях у нея,
Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и огня!
Как тихо все вокруг! лишь слышны из-за
дали
Тимпан, и звуки флейт, и плески
вакханалий...

1841

ЭПИТАФИЯ

Здесь, в долине скорби, в мирную обитель
Нас земля приемлет:
Мира бедный житель отдохнуть приляжет
На груди родимой.
Скоро мох покроет надпись на гробнице,
И сотрется имя;
Но для гех бессильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузит в раздумье и из сердца слезы
Сладкие исторгнет.

1841

ДУМА

Жизнь без тревог — прекрасный светлый
день;

Тревожная — весны молодые грозы.

Там — солнца луч и в зной оливы сень,

А здесь — и гром, и молния, и слезы...

О! дайте мне весь блеск весенних гроз,

И горечь слез, и сладость слез!

1841

ГОРЫ

Люблю я горные вершины.
Среди небесной пустоты
Горят их странные руины,
Как недоконченны мечты
И думы зодчего природы.
Там недосозданные своды,
Там великана голова
И неизваянное тело,
Там пасть разинутая льва,
Там профиль девы онемелый...

1841

Дитя мое, уж нет благословенных дней,
Поры душистых лип, сирени и лилей;
Не свищут соловьи, и иволги не слышно...
Уж полно! не плести тебе гирлянды пышной,
И незабудками головки не венчать;
По утренней росе уж зорек не встречать,
И поздно вечером уже не любоваться,
Как легкие пары над озером клубятся,
И звезды смотрятся сквозь них в его

стекле.

Не вереск, не цветы пестреют по скале,
А мох в расщелинах пушится ранним

снегом.

А ты, мой друг, все та ж: резва, мила...
Люблю,

Как, разгоревшись и утомившись бегом,
Ты, вея холодом, врываешься в мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снежны,
Хохочешь и меня целуешь звонко, нежно!

1841

ОВИДИЙ

(Послание с Понта)

Здорово, добрый друг! Здорово, консул
новый!

Я знаю, — в пурпуре и с консульским
жезлом,

И в сонме ликторов, покинул ты свой дом,

И в храм Юпитера течешь теперь, готовый

Пролить пред алтарем дымящуюся кровь...

Уверен, что купил народную любовь,

Взираешь ты, как чернь бросается толпами

На жареных быков с злачеными рогами...

Но, если вдруг тебе твой раб письмо
вручит.

Начертанное здесь изгнанника рукою, —

Как встретишь ты его? Чем взор твой
заблестит?

Кивнешь ли вестнику приветно головою,

Иль кинешь гневный взор дрожащему рабу?

Что б ни было! Ты все стоишь передо мною

Как прежний добрый друг... и я клян
судьбу,

Стократ ее клян, что разлучен с тобою,

Что нет на торжестве твоём моих даров;

Что мне не суждено с сверкающим фалерном
Подняться со скамьи и голосом неверным —
От чувства полноты — прочесть тебе стихов!
Увы! мне самый стих латинский изменяет!
Уж мысль моя двойной одеждой щеголяет...
Уже Авзонии блестящие цветы
Бледнеют предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящего Эвксина
Да быта скифского суровые черты
Мне кажутся венцом высокой красоты!..
А песни дикарей!.. Меж скифов, в их
пустыне,

Я сам стал полускиф. Поверишь ли, я ныне
Их диким языком владею как своим!
Я приучил его к себе, как зверя. Им
Я властвую: в ярмо он выю преклоняет,
Я правлю, и на Пинд как вихорь он
взлетает...
Пойми меня, мой друг! Пойми: мой грубый
стих

Не втуне уж звучит среди пустынь нагих,
А принят, повторен и понят человеком!
И скифы дикие, подобно древним грекам,
С улыбкою зовут меня своим певцом!
Поэму я сложил их варварским стихом;
Для них впервые я воспел величье Рима
И все, с чем мысль моя вовек
неразлучима...
О дивном Августе звучала песнь моя...
Я пел Германика, им Друза славил я;
Я пел, как, победив Батавов и Тевтонов,
Они: вступали в Рим, и пленные цари,

Окованные, шли средь римских легионов,
И сыпались цветы, дымились алтари,
И Август их встречал, подобный полубогу,
И слезы лил тайком на праздничную тогу...
Еще не кончил я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, в восторге повторяли:
«Ты славись Августа — зачем же ты не
с ним?»
То скифы говорят, — а вот семь лет уж
ныне,
Как, всеми позабыт, томлюся я в пустыне...

НА ПАМЯТНИКЕ

Он рано уж умел перебирать искусно
Свирели скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; он пел про плеск ручья,
Помоной щедрою убранные поля,
Про ласки юных дев и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожные заботы.

1842

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его,
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни Кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровую кожей
И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

1842

Е. П. М.

Люблю я целый день провести меж гор
и скал...
Не думай, чтобы я в то время размышлял
О благости небес, величии природы,
И, под гармонию ее, я строил стих.
Рассеянно гляжу на дремлющие воды
Лесного озера и верхи сосн густых,
Обрывы желтые в молчаньи их угрюмом;
Без мысли и ленив, смотрю я, как с полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикие ныряют в воду с шумом;
Бессмысленно гляжу я в зыблемых струях
На удочку, забыв о прозе и стихах...

Но после, далеко от милых сих явлений,
В ночи, я чувствую, передо мной встают
Виденья милые, пестреют и живут,
И движутся, и я приветствую их тени
И узнаю леса, и дальних гор ступени,
И озеро... Тогда я слышу, как кипит
Во мне святой восторг, как кровь во мне
горит,
Как стих слагается и прозябают мысли...

1842

АНАКРЕОН

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею,
Витязь — пленников толпою
И трофеями побед;
Красота морей зыбучих —
Паруса судов летучих;
Честь народов — мудрый круг
Патриархов в блеске власти;
Для меня ж милей, мой друг,
В пору бури и ненастий,
В теплой хижине очаг,
Пня дубового отрубок
Да в руках тяжелый кубок,
В кубке хмель и хмель в речах.

1843

CAMPAGNA DI ROMA 1

Пора, пора! Уж утро славит птичка,
И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привычка.
Возьмем коней, оставим душный Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тесных,
И воздухом подышим полевым.

О! как легко! как грудь свободно дышит!
Широкий горизонт расширил душу мне...
Мой конь устал... мысль бродит в тишине.
Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края,
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные поля,
И, будто нищий с ризою раздранной,
Обломок башни, обвитой плющом,
Разбитый храм с остатком смелых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов
Открылся в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...

1 Окрестности Рима. — *Ред.*

Угрюмого источник вдохновенья...
Все тяжело спит, все умерло почти...
Лишь простучит на консульском пути
По гладким плитам конь поселянина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется в плаще и с палкой длинной,
И в шапке острой... Вот в тени руины
Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшоном,
Заснул, склонясь на камень головой,
А вдалеке, под синим небосклоном,
На холме мазанка из глины и ветвей,
И кипарис чернеется над ней...

Измученный полудня жаром знойным,
Вошел я внутрь руин, безвестных мне.
Я был объят величьем их спокойным.
Глядеть и слушать в мертвой тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир видений!
То цирк был некогда; теперь он опустел,
Полюнь и терн уселись на ступени,
Там, где народ ликующий шумел;
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и амфор:
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж травой,
И тростником, и розой полевой;
И рыщет ветер один, что конь пустынный;
Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниєю взгляда,

С чернокудрявой, смуглой головой
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул,
«Я голоден, — со злобою взывая. —
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

1844

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим
классическим Римом!
Под таким небом невольно художником
станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как
будто картины
Из ярких стихов антологии древней
Эллады.
Ну вот, поглядите: по каменной белой
ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешенный
плащ иль завеса;
В середине, меж двух кипарисов, глубокая
темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой
миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня,
упадет.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза
из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом
алом корсетел)
Подставив кувшин, ожидает, как скоро
волою
Наполнится он, а другая подруга стоит
неподвижно,

*

Рукой охватив осторожно кувшин на
облитой
Вечерним лучом голове... Художник
(должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что
случай неожиданно
В их позах сюжет ему дал для картины,
и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное
небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую
рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его
кистью!

НИЩИЙ

Джузеппе стар и дряхл; на площадях лежит
С утра до вечера, читает вслух каноны
И молит помощи он именем Мадонны;
И в тридцать лет себе, как то молва гласит,
Два дома выстроил, и третий кончит скоро,
Женил двух сыновей, и внушек любит страх.
На пышной лестнице старинного собора,
Красиво развалясь на мраморных плитах,
Картинно голову прикрыв лохмотьем старым,
Казалось, он заснул... А тут, в его ногах,
Сидела девочка. Под этим жгучим жаром —
С открытой шеею, с открытой головой,
С обрывком на плечах какой-то ткани
грубой, —
Но — волосы, глаза, и точно перлы зубы,
И взгляд, поднявшийся на нас как бы
с мольбой —
«Его не разбудить». — Худые ноги, руки —
Мурильо!.. Но старик Джузеппе не дремал:
Во всем величии отчаянья и муки
Он вдруг приподнялся и глухо простонал:
«Я три дня голодал»... Ресницы опустила
Невольна девочка — и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...

Она вся вспыхнула и что-то нам хотела,
Казалось, сказать — но говорить не смела,
И — быстро спряталась в лохмотья
старика. . .

1844

«Скажи мне, ты любил на родине своей?
Признайся, что она была меня милей,
Прекраснее?»

— Она была прекрасна... —

«Любила ли она, как я тебя, так страстно?
Скажи мне, у нее был муж, отец или брат,
Над чьим дозором вы смеялись заочно?

Все расскажи... и как порою полуночной
Она спускалась к тебе в тенистый сад?

Могла ли она, как я, так пламенно руками,
Как змеи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимые в лобзании никогда,

С твоими горячо ли сливались устами?

В те ночи тайные, когда б застали вас,

Достало ли б в ней сил, открыто, не

страшась,

В глаза им объявить, что ты — ее владенье,

Жизнь, кровь, душа ее? На строгий суд

людей

Глядела ли б она спокойным, смелым

взором?

Гордилась ли б она любви своей позором?..

Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...

О, хороша она... и образ ненавистой

Я вырвать не могу из памяти твоей!..»

— Ах, не брани ее! Глубоко, бескорыстно
Любили мы. Но верь, ни разу ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смели.
Она была со мной как будто холодна;
Любя, друг друга мы стыдились и робели:
Лишь худо скрытый вздох, случайный,
беглый взор

Ей изменял. У нас всегда был разговор
Незначаш, о вещах пустых, обыкновенных;
Но как-то в тех словах, в той болтовне
пустой,

Угадывали мы душою смысл иной
И голос слышали страданий сокровенных.
И только раз уста мои ее руки
Коснулись; но потом мне стыдно, больно
было,

Когда она ко мне безмолвно обратила
Взор, полный слез, мольбы, укора
и тоски...

Тот взор мне все сказал; он требовал
пощады...
Он говорил мне: нам пора, расстаться
надо...

«И вы расстались?»
— Расстались. Я сказать
Хотел ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тут вошли — должны мы были
замолчать...

«Любить! Молчать!!.. И вы любили?»
Боже, Боже!..»

АМОРOSO 1

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит
И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.

Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя,
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!

О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...

1 Любовник. — *Ред.*

Усыпляй его, баюкай...
Тише... Что?.. заснул уж он?

Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...

1845

FORTUNATA ¹

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мне весь отдайся! ..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце, не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю;
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша! ..

Верь в любви, что счастьем не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам ввек с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя ввек... ..

1845

¹ Счастливая. — *Ред.*

ХУДОЖНИК

Кисти ты бросил, забыл о палитре и
красках,
Проклял ты Рим и лилово-серебристые горы;
Ходишь как чумный; на дев смуглолицых
не смотришь;
Ночью до утра сидишь в остерии за
кружкой,
Хмурый, как родина наша... И Лора горюет,
Тщетно гадая, о чем ты тоскуешь, и смотрит
В очи тебе и порой ловит бред твой
сквозь-сонный.
Что? не выходит твой Рим на картине?
Что? воздух
Тонкой струей не бежит между листьев?
солнце
Легким, игривым лучом не скользит по
аллее?
Горы не рядятся в легкую дымку туманов
полудня?
Руку, художник! ты тайну природы
постигнешь!
Думать будет картина — ты сам, негодуя,
Выносил в сердце тяжелую думу.

1845

FIORINA ¹

«Смуглянка милая, я из страны далекой,
И здесь в развалинах блуждаю одинокой,
И все-то чудно мне... Скажи, ты рождена
В долине здесь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангел мой, как говорит

преданье,

Кем строено, зачем, в какие времена?»

— Не знаю, мы сюда за земляникой ходим,

А на зиму стада пастись сюда приводим.

Бывают многие и смотрят. Кардинал

Сюда с двором своим намерен приезжал.

Я ягод подала ему; он взял немного,

Благословил меня, велел молиться богу,

Красавицей меня и умницей назвал...

На мне в тот день венок был из листков

дубовых,

А в косы я вплела нить бисеров перловых.

1845

¹ Фиорина. — *Ред.*

LORENZO¹

Слава богу, деньги есть.
Шляпу на брови надвину,
Плащ широкий перекину
Через плечо... войду я в честь.

Встретит князь меня с почтеньем,
И поклонится аббат,
И маркизы с приглашеньем
Мне навстречу полетят.

Я высок, красив и ловок...
Речь — серебряная нить;
Знаю тайну всех уловок
Сердце женщины дразнить.

В будуар благоуханный
В ночь прокрадусь я тайком...
Потоскует сердце Нанны,
Знаю я... да что ж мне в том?

Деньги выйдут... что ж за дело?
Молоток возьму я свой,

¹ Лоренцо. — *Ред.*

Буду сечь я мрамор белый
У скульптора в мастерской.

А наскучит — повалюся
Я на паперти церковей
И калекой притворюся,
Мол, уродец с детских дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняют,
Что казны не клал под спуд!..
А маркизы?.. Не узнают!
А узнают — прочь пойдут.

Что мне в них? всегда от Нанны,
Будь в чести ль, в лохмотье ль я,
Я услышу: «Друг желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

ДРЕВНИЙ РИМ

Я видел древний Рим: в развалине
печальной
И храмы, и дворцы, поросшие травой,
И плиты гладкие старинной мостовой,
И колесниц следы под аркой триумфальной,
И в лунном сумраке, с гирляндой аркад,
Полуразбитые громады Колизея...
Здесь, посреди сих стен, где плющ растет,
чернея,
На прахе Форума, где у телег стоят
Привязанные вокруг коринфской капители
Рогатые волы, — в смущеньи я читал
Всю летопись твою, о Рим, от колыбели,
И дух мой в сладостном восторге трепетал.
Как пастырь посреди пустыни одинокой
Находит на скале гиганта след глубокой,
В благоговении глядит, и, полн тревог,
Он мыслит: здесь прошел не человек,
а бог, —
Сыны печальные бесцветных поколений
Мы, сердцем мертвые, мы, нищие душой,
Считаем баснею мы век громадный твой,
И школьных риториков созданием твой
гений!..

Иные люди здесь, нам кажется, прошли
И врезали свой след нетленный на земли —
Великие в бедах, и в битве, и в сенате,
Великие в добре, великие в разврате!
Ты пал, но пал, как жил... В падении

своем

Ты тот же, как тогда, когда, храня
свободу,

Под знаменем ее ты бросил кров и дом, —
И кланялся сенат строптивому народу...

Таким же кончил ты... Пускай со всей
вселенной

Пороков и злодейств неслыханных семья
За колесницею твоею позлащенной

Вползла в твой вечный град, как хитрая
змея;

Пусть голос доблести уже толпы не движет;

Пускай Лициния она целует прах,

Пускай Лициний сам следы смиренно лижет

Сандалий Клавдия, бьет в грудь себя;

в слезах

Пред статуей его пусть падает в молитве, —

Да полный урожай полям он ниспошлет,

И к пристани суда безвредно приведет;

Ты духу мощному, испытанному в битве,

Искал забвения... достойного тебя.

Нет, древней гордости в душе не истребя,

Старик своих сынов учил за чашей яду:

«Покуда молоды — плюща и винограду!

Дооблачных палат; танцовщиц и певиц!

И бешеных коней, и быстрых колесниц,

Позорищ ужаса, и крови, и мучений!
Взирая на скелет, поставленный на пир,
В конец исчерпай все, что может дать
нам мир!
И, выпив весь фиал блаженств и
наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь достойно
увенчать,
В борьбе со смертью испробуй духа
силы, —
И, вокруг созвав друзей, себе открывши
жилы,
Учи вселенную, как должно умирать».

PALAZZO¹

Войдемте: вот чертог с богатыми столбами,
Земным полубогам сооруженный храм.
Прохлада царствует меж этими стенами,
Лениво бьет фонтан по мраморным плитам;
Террасы убраны роскошными цветами
И древние гербы блистают по стенам —
Эмблемы доблести фамилий, гордых властью:
Кабаньи головы да львы с открытой пастью.

Здесь все еще хранит следы времен былых;
Везде минувшего остатки вековые.
Вот груды пышные доспехов боевых
И исполинский меч, и латы пудовые,
И Палестины ветвь, и кость мощей святых;
Там пыток варварских орудья роковые,
Колеса и зубцы; вкруг дивный дар руин,
Антики желтые и длинный ряд картин:

То предки гордые фамилии высокой,
Там старцы: латы их изрублены в боях,
И страшен яркий взгляд, с улыбкою
жестокой. . .

¹ Дворец. — *Ред.*

Там красный кардинал, в маститых сединах,
Коленопреклонен с молитвою глубокой
Перед мадонною с младенцем на руках;
Там юноша, средь муз, любимый

Аполлоном,

Венчанный миртами лукавым Купидоном.

Там жены: та бела как мрамор гробовой,
В потускшем взгляде скорь и ужас
затаенный. . .

То жизнь, убитая боязнию и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирепого рабой
И сластолюбия забавою презренной;
Как будто говорит она: «здесь дни губя,
Жила и умерла я в муках, не любя. . .»

Та — жизни полная, и в блеске

самовластья —

Сомкнутые уста, нахмуренная бровь. . .
Обыкновенных жен ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась из оков;
Служили ей кинжал, и яд, и сладострастье
На шумных оргиях, и мщенье, и любовь —
И взор ее горит насмешкой исступленной,
Всею гордостью души глубоко
оскорбленной. . .

.
И ныне пусто все в блестящей галерее. . .
На этих мраморах густая пыль лежит;
Оборванный лакей, в истасканной ливрее,
На креслах бархатных раскинувшись, храпит;

И в залах, как среди развалин Колизея,
Семейство англичан кочует и шумит...
А вы — вы кинули отцов чертог печальный,
Наследники их прав и чести феодальной?

Благословенье вам! не злато, не гербы
Вам стали божеством, а разум и природа,
И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»
И гордо шелестит, за честь страны родной,
Болонская хоругвь над вашей головой!

Благословенье вам! Италии спасенной
В вас избавителей увидеть суждено!..
Но тише... Здесь живут: раскинут стол
зеленый,
Вчера здесь пир был: все исписано сукно;
Там дребезги стекла... бокал
неосушенный... ..

И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женские и бюст Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

Люблю, если, тихо к плечу моему головой
 прислонившись,
 С любовью ты смотришь, как, очи потупив,
 я думаю думу,
 А ты угадать ее хочешь. Невольно,
 проникнут тобою,
 Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь
 очами;
 И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы
 в сладком молчаньи
 Мы мыслью сошлись и много сказали
 улыбкой и взором.

1850

Истомленная горем, все выплакав слезы,
На руках у меня, как младенец, ты спишь;
На лице твоём кротком последняя дума
С неотертой последней слезинкой дрожит.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что бесчувствен к слезам я казался твоим...
Не затем ли сквозь сон ты теперь улыбулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря на тебя,
Тихо нянча тебя на руках, как младенца,
Я страдаю, как ты, и заплакать готов?

1851

Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной, —

И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его...

1852

Порывы нежности обуздывать умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии, в тиши,
В святилище больной, тоскующей души. . .
Я знаю, страсть в тебе питается слезами.
Когда ж, измучена ревнивыми мечтами,
Сомненья, и тоску, и гордость побеждая,
Отдашься сердцу ты, как слабое дитя,
И жмешь меня в своих объятиях, рыдая, —
Я знаю, милый друг, не может так другая
Любить, как ты! Нет слов милее слов
твоих,
Нет искреннее слез и клятв твоих немых,
Красноречивее — признанья и укора,
Признательнее нет и глубже нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя желала,
Как много любишь ты, как много ты
страдала.

1852

АНАКРЕОН

И. А. Гончарову

В день сбирания винограда
В дверь отворенного сада
Мы на праздник Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На руках с собой несли.

Много юношей нас было,
Бодрых, смелых, каждый с милой,
Каждый бойкий на язык;
Но — вино сверкнуло в чашах,
Мы глядим — красавиц наших
Всех привлек к себе старик!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Череп розами покрытый —
Чем им головы вскружил?
А они нам хором пели,
Что любить мы не умели,
Как когда-то он любил!

1852

ЮНОШАМ

Будьте, юноши, скромнее!
Что за пыл! Чуть стал живее
 Разговор — душа пиров, —
Вы и вспыхнули, как порох!
Что за крайность в приговорах,
 Что за резкость голосов!

И напиться не сумели!
Чуть за стол — и охмелели,
 Чем и как — вам все равно!
Мудрый пьет с самосознаньем,
И на свет и обоняньем
 Оценивает он вино.

Он, теряя тихо трезвость,
Мысли блеск дает и резвость,
 Умиляется душой,
И, владея страстью, гневом,
Старцам мил, приятен девам,
 И — доволен сам собой.

1852

АЛКИВИАД

Внучек, верь науке деда:
Верь — над женщиной победа
 Нам трудней, чем над врагом.
Здесь все случай, все удача!
Сердце женское — задача,
 Не решенная умом!

Ты слышал ли имя Фрины?
Покорялися Афины
 Взгляду гордой красоты, —
Но на нас она взирала,
Как богиня с пьедестала
 Недоступной высоты.

На пирах ее быть званым —
Это честь была избранным;
 Принимала как сатрап!
Всем серебряные блюда
И хрустальные сосуды,
 И за каждым — черный раб!

Раз был пир... то пир был граций!
Острых слов, импровизаций
 И речей лился каскад...

Мне везло: приветным взглядом
Позвала уж сесть с ней рядом —
Вдруг вошел Алкивиад.

Прямо с оргии он, что ли!
Но, крича как варвар в поле,
Сшиб в дверях двух скифов с ног,
Оттолкнул меня обидно
И к красавице бесстыдно
На плечо лицом прилег!

Были тут послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Он беседой овладел,
Хохотал над мудрецами,
И безумными глазами
На прекрасную глядел.

Что тут делать?.. Полны злости,
Расходиться стали гости...
Смотрим — спит он! Та — молчит
И не будит... Что ж? добился!
Ей повеса полюбился!
Да и нас потом стыдит!

АСПАЗИЯ

Что скажут обо мне теперь мои друзья?
Владычица Афин, Периклова подруга,
Которую Сократ почтил названьем друга,
Как девочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Все позабыто — блеск, правленье,

государство,

Дела, политики полезное коварство,
И даже самые лета... но, впрочем, нет!
У женщин для любви не существует лет;
Хоть, говорят, глупа последней страсти

вспышка,

Пускай я — женщина, а он еще мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы самой
любить

И чувством пламенным сгорать и
наслаждаться;

Нет, счастьем его дышать и любоваться,
И в нем неопытность к блаженству

приучить...

А он — он чистое подобье полубога!..
Он робок, он стыдлив и даже дик немного,
Но сколько гордости в приподнятых губах,
И как краснеет он при ласковых словах!
Еще он очень юн: щека блестит атласом,

АРКАДСКИЙ СЕЛЯНИН ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Здесь сатиры прежде жили;
Одного мы раз нашли,
И живого изловили,
И в деревню привели.

Все смотреть пришли толпами;
Он на корточках сидел
И бесцветными глазами
На людей, дичась, глядел.

Страх однакоже унялся;
С нами ел он, пил вино,
Объедался, опивался,
Впрочем, вел себя умно.

Но весна пришла — так мочи
Нам не стало от него.
Не пройдет ни дня, ни ночи
Без лихих проказ его...

Женщин стал ловить и мучить!..
Чуть увидит — задрожит,
Ржет, и лает, и мяучит,
Целоваться норовит...

Стали бить его мы больно;
Он исправился совсем,
Стал послушный, богомольный,
Так что любо было всем.

Бабы с ним смелее стали
Обходиться и играть,
На работы в поле брали,
Стали пряников давать.

Не прошло, однако, года,
Как у всех у нас — дивись —
В козлоногого уroda
Ребятишки родились!

Да! у всех на лбу-то рожки
С небольшой лесной орех,
Козьи маленькие ножки,
Даже хвостики у всех.

К нам в деревню прошлым летом
Русский барин заезжал.
Обо всем услыша этом,
Усмехнувшись, он сказал:

«Хорошо, что мы с папашей
Без хвоста и с гладким лбом,
Быть иначе б дворне нашей
И с рогами и с хвостом».

1853

ПОСЛЕ БАЛА

Мне душно здесь! Ваш мир мне тесен!
Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов,
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило все на бред,
Где б каждый был хоть миг — поэт!
А то — сберетесь вы чинно;
Гирлянды дам сидят в гостиной;
Забава их — хула и ложь,
Танцует в зале молодежь —
Девицы с уст улыбку гонят,
По лицам их не разберешь —
Тут веселятся иль хоронят...
Вы сами — бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздник званый ваш!
Недаром, с бала исчеза
И в санки быстрые садясь,
Как будто силы опавшая,
Корнет кричит: пошел в танцкласс!

А ваши дамы и девицы
Из-за кулис бросают взор
На пир разгульной модной львицы,
На золотой ее позор!

1850—53

ФИЛАНТРОПЫ

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелась любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай господь им долги дни! —
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

1853

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалика...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...

И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодной росой

Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укориэну
Свежей вестью о весне!

1855

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я подымаю от земли:
В лазури темной, к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет, —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит
стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдаёт угрюмый день, больной и
бесприветный,
Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья,
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю,
И так уж наконец в присутствии их верю,
Что даже кажется, их видит чёрный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

Точно голубь светлою весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И меж тем, как музыкою счастья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди ненастья,
Охватить душой своей вполне

И молчу, чтоб не терять ни звука,
Что дрожат в сердцах у нас с тобой —
Вижу, вдруг ты смолкла, в сердце мука
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла,
И страшит тебя — к добру ль оно?..

Ну так что ж? пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

1855

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью
Мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как все тише смех наш
становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи
хмуря...
Благодатный дождик! золотая буря!

1856

ЗВУКИ НОЧИ

О ночь безлунная!.. Стою я, как
влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом стеклянный звон лиющихся ключей;
Там — листик задрожал под каплею
алмазной;
Там — пташки полевой свисток
однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По речке, в камышах, от топких островов,
С разливом хоры жаб несутся, как глухие
Органа дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией ночной
По ветру то звончей, то в тихом замиранье,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звезды... Нет, и там, по тверди голубой,
В их металлическом сияньи и движеньи
Мне чувствуется гул их вечного течения.

1856

ГОЛОС В ЛЕСУ

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.

И возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Итти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

1856

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий,
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмости,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображение
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падающих вод...

Мне в чудные гармоний переливы
 Слагался рев катящихся зыбей;
 В какой-то мир вводил он
 безграничный,
 Где я робел душою непривычной,
 И радостно присутствие людей
 Вдруг ощущал, сквозь этот гул
 упорный,
 По погремушкам вьючных лошадей,
 Тропинкою спускающихся горной...
 И вот теперь такую же мечтой
 Душа полна, как и в былые годы,
 И так же здесь заманчиво со мной
 Беседует таинственность природы.

1856

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем....

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли,
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок,
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мне!

1856

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей,

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес. . .

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал:

Что им сказала душа,
Что ей сказали они, —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

И город вот опять! Опять сияет бал,
И поли жужжания, как улей, светлый зал!
Вот люди, вот та жизнь, в которой

обновленья
Я почерпнуть рвался из сельской тишины...
Но, боже! Как они ничтожны и смешны!
Какой в них жалкий вид тоски

и принужденья!
И слушаю я их... душа моя скорбит!

Под общий уровень ей подогнуться трудно;

А резвая мечта опять меня манит

В пустыни божии из сей пустыни людной...

И неба синего раздолье вижу я,

И жаворонок в нем звенит на полной воле,

А колокольчиков бесчисленных семья

По ветру зыблется в необозримом поле...

То речка чудится, осыпавшийся скат,

С которого торчит корней мохнатых ряд

От леса, наверху разросшегося дико.

Чу! шорох — я смотрю: вокруг гнилого пня,

Над муравейником, алеет земляника,

И ветки спелые манят к себе меня...

Но вижу — разобрал тростник сухой

и тонкий,

К пурпурным ягодам две бледные ручонки

Тихонько тянутся... как легкий, резвый сон,

Головка детская является, роняя
Густые локоны, серебристые, как лен...
Одно движение — и нимфочка лесная,
Мгновенно оробев, малиновки быстрей,
Скрывается среди качнувшихся ветвей.

1856

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник — цветок!
И подле сквозистый,
Последний снежок. . .

Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастья ином.

1857

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня.
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857

В ЛЕСУ

Шумит, звенит ручей лесной,
Лиясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр;
Иду я, страх едва тая...
Нет! здесь свой мир, живущий мир,
И жизнь его нарушил я...
Вдруг все свершавшееся тут
Остановилось при мне,
И все следят за мной и ждут,
И злое мыслят в тишине;
И точно любопытный взор
Ко мне отовсюду устремлен,
И слышу я немой укор,
И дух мой сдавлен и смущен.

1857

МАТЬ И ДОЧЬ

Опрятный домик... сад с плодами...
Беседки, грядки, цветнички...
И все возделывают сами
Мои соседи-старички.

Они умеют достохвально
Соединить в своем быту
И романтизм сентиментальный
И старых нравов простоту.

Полна высоких чувств святыней
И не растратив их в глуши,
Старушка верует и ныне
В любовь за гробом, в жизнь души.

Чужда событий чрезвычайных,
Вся жизнь ее полна была
Самопожертвований тайных
И угождений без числа.

Пучки цветов, венки сухие
Хранятся в комнате у ней;
Она святит в них дорогие
Воспоминанья прошлых дней;

Порою в спальню к дочке входит;
Рукою свечку заслоня,
Глядит и плачет... и приводит
Себе на память, день от дня,

Все прожитое... там все ясно!
О чем же сетует она?
Иль в сердце дочери прекрасной
Она читает и сквозь сна!

Старушка мучится сомненьем,
Что чужд для дочки отчий кров,
Что дочь с упрямым озлобленьем
Глядит на ласки стариков;

Что в ней есть странная забота...
Отсталый лебедь — точно ждет
Свободной стаи перелета,
И клик слышит — и вспорхнет!..

Но не вспорхнет она на небо!
Уж демон века ей шептал,
Что жизнь — не мука ради хлеба,
Что красота есть капитал!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи огней,
За ней следящих в шуме бала,
Как за царицей бальных фей...

Полночный пир... шальные речи...
Бокалы вдребезги летят...

Покровы прочь! Открыты плечи,
Язвит и жжет прекрасный взгляд —

И перед нею на коленях
Толпа вельмож и богачей
В мольбах неистовых и пенях —
И сыплют золото пред ней!

Уйди, старушка!.. Бог во гневе
Шлет бич нам в детище твоём
За попеченье лишь о чреве,
И зло карает тем же злом!

Великолепные чертоги
Твою возлюбленную ждут,
К ней века денежные боги
На поклонение придут.

И — осмеявшие стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнают жгучие мученья
В крови родившихся страстей!

И будут, млея в жажде страстной,
Искать божественной любви
Под этой маской вечно ясной,
Под этой грацией змеи!

Напрасно! Нет!.. один уж лопнет,
Другой пойдет открыто красть,
Острог за третьим дверь захлопнет,
Кто пулю в лоб... благая часть!

Одна владычица их мира —
Она лишь блеском залита...
Спокойный профиль... взгляд
вампира...
И неподвижные уста...

1857

М. Л. МИХАЙЛОВУ

У рала мутного степные берега,
Леса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры гор из сизого порфира,
Простые племена, между которых ты
Сбирал предания исчезнувшего мира,
Далекая любовь, пустынные мечты
Возвысили твой дух: прощающим,
любящим
Пришел ты снова к нам — и, чутко
слышу я,
В стихах твоих, ручьем по камешкам
журчащим,
Уж льется между строк поэзии струя.

1857

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны все гонял?» —

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

1858

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Все весною пахнет!

1858

НА БЕРЕГАХ НОРМАНДИИ

Большое, тихое дитя
Сидит на берегу, следя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накиданный волною,
В поморье тянется каймою...
И так покой кругом глубок,

Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя, птичка; на песке
По мели рыбка серебрится...

К ним взор порою обратя,
Так улыбается дитя,
Глядит на них с таким участием,
И так сияет кротким счастьем,

Что если, бедный, промелькнет
Он на земле как гость залетный
И скоро в небе в сонм бесплотный
Господних ангелов войдет, —

ТАРАНТЕЛЛА

На голос: „Gia la luna è mezz'al mare...“¹

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчались в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

¹ Уже луна посреди моря... — *Ред.*

Завязалась, закишела,
Все идет живей, живей,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...
Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда?
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!

Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин!
В сердце памятью былого,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! вокруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

1858—1859

АЛЬПИЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там, как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «туда! туда!»

1859

МЕНЕСТРЕЛЬ

(Провансальский романс)

Жил-был менестрель в Провансальской
земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»

Король был неровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»

И дочь он, красавицу БERTУ, имел...
Смотрел лишь на БERTУ певец, когда пел...
«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она —
То вспыхнет огнем, то как мрамор бледна...
«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к ней...
Глядит менестрель все угрюмей и злей...
«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда будет бал,
Чтоб в темной аллее у грота он ждал...
«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в слезах,
И чей поцелуй у него на устах...

«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный отъезд;
Чей в склепе фамильном стоит новый

крест —

«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел —

«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный вешний цветок!
Король даже лютию разбил сам и сжег...

«Молчите, проклятые струны!»

И лютию он сжег — но не грёза, не сон,
Везде его лютии преследует звон...

«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны звучат,
И страшные, ясно, слова говорят...

«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьёт он и ночи не спит,
Молчит, — лишь порой, как безумный,

кричит:

«Молчите, проклятые струны!»

ПРИДАНОЕ

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом,
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну, —
Княжен повидали мы вдоволь —
На днях хоронили одну:»

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла;
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красotka была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859

МАТЬ

«Бедный мальчик! весь в огне,
Все ему неловко! —

Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!

Я с тобою похожу...

Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:

Ж и л - б ы л м а л ь ч и к

с п а л ь ч и к . . .

Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!

Песня лучше будет...

Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;

Во сыром-темном бору...

Задремал мой крошка!..

...Я малинки наберу

Полное лукошко...

Во сыром-темном бору.

Тише! засыпает...

Словно птенчик, все в жару

Губки открывает...»

«Во сыром бору» поет

Мать и ходит, ходит...

Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит —
Мать поет... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздрогнув, встрепенется —
«В о т е м н о м - с ы р о м б о р у»
Снова раздаётся...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит, среди всех тревог,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил —
Вдруг ей ясно стало,
Что́ любви, что́ чудных сил
Сердце в ней скрывало!..

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится,
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара, —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

1858—1862

Птички-ласточки, летите
К прежней любушке моей:
Не ждала б она, скажите,
Мила друга из гостей.

Во чужой земле сгубила
Зла волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли оседлаю —
Расседлается он сам;
Без седла ли выезжаю —
Гром и буря в встречу нам!

У нее слова такие:
Скажет — реки не текут!
С неба звезды золотые
Словно яблочки спадут!

Глянет в очи — словно хлынет
В сердце свет с ее лица;
Улыбнется — словно кинет
Алой розой в молодца!

1858—1862

НОЧЬ НА ЖНИТВЕ

Густеет сумрак, и с полей
Уходят жницы... Уж умолк
Вдали и плач и смех детей,
Собачий лай и женский толк.

Ушел рабочий караван...
И тишина легла в полях!..
Как бесконечный ратный стан,
Кругом снопы стоят в копнах;

И задымилась роса
На всем пространстве желтых низ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звезды засветив.

Вот вышел месяц молодой...
Одно, прозрачное, как дым,
В пустыне неба голубой
Несется облачко пред ним:

Как будто кто-то, неземной,
Под белой ризой и с венцом
Над этой нивой трудовой
Стоит с серебряным серпом,

И шлет в сверкании зарниц
Благословенье на поля:
Вознаградила б страду жниц
Их пóтом влажная земля.

1862

В СТЕПЯХ

1

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ну, уж ночка! Воздух жгучий
Не шелохнется! Кругом
Жарко вспыхивают тучи
Синей молнии огнем.

Словно смотр в воздушном стане
Духам тьмы назначен! Миг —
И помчится в урагане
По рядам владыка их!

То-то грянет канонада, —
Огонь и гром, и дождь и град,
И по степи силы ада
С диким свистом полетят! . . .

Нет, при таком невзгодье,
В этом мраке, предоставь
Всё коню! отдай поводья,
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, верным шагом,
Не мечая как шальной,
По равнинам, по оврагам,
Он примчит тебя домой. . .

2

РАССВЕТ

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда — тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — все черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней. . .

3

Мой взгляд теряется в торжественном
просторе. . .

Сияет ковыля серебряное море
В дрожащих радугах — незримый хор
певцов

И степь и небеса весельем наполняет, —
И только тень порой от белых облаков
На этом празднике, как дума, пролетает.

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
 Подымается с земли...
 Что ж за звуки в серебристой
 Все мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
 По степи от облаков,
 Ряд проносится видений,
 Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
 Рев верблюдов, скрип телег?..
 Не стрельцы ль сторожевые?
 Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
 Песню жалкую поет,
 И татарченка качая,
 Голос милым подает?..

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ

«Се ветри, Стрибожьи внуци, вѣют с моря...
 на силы Дажьбожьа внука, храбрых Русичей».

«Слово о полку Игореве»

Стрибожьи чада! Это вы
 Несетесь с шумом над степями,
 Почти касаяся крылами

Под ними гнушейся травы?
Чего вам надо? Эти степи
Уже не те, что в дни, когда
Здесь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожар и цепи!
Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им, чадам света, уступив
Свое господство над степями!
И солнца русые сыны
Пришли — и степь глядит уж садом...
Там — зреют жатвы; убраны
Там холмы синим виноградом;
За весью весь стоит; косцов
Несется песня удалая,
И льется звон колоколов
В степи от края и до края...
И слух пропал о временах,
Когда, столь грозное, бывало,
Здесь царство темное стояло;
И путник мчится в сих местах,
Стада овец порой пугая,
Нигде засад не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падших ратей ищут тщетно
В степи, на клѣкт их безответной,
С высот лазуревых орлы...

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес,
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1864

КОНЬ

(Из сербских песен)

Светлолица, черноброва,
Веселее бела дня,
Водит девица лихова
Опененного коня;

Гладит гриву воронова
И в глаза ему глядит:
«Я коня еще такова
Не видала! — говорит. —

Чай, коня и всадник стоит...
Только он тебя навряд
Вдоволь холит и покоит...
Что он — холост аль женат?»

Конь мотает головою,
Бьет ногою, говорит:
«Холост — только за душою
Думу крепкую таит.

Он со мною, стороною,
Заговаривал не раз —

Не послать ли за тобою
Добрых сватов, в добрый час».

А она в ответ, краснея:
«Я для доброго коня
Стала б сыпать, не жалея,
Полны ясли ячменя;

Стала б розовые ленты
В гриву черную вплетать,
На попоны позументы
С бахромою нашивать;

В вечной холе, без печали
Мы бы зажили с тобой...
Только б сватов высылали
Поскорее вы за мной».

ПАСТУХ

(Испанская легенда)

Был суров король дон Педро;
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,
Только усом поведет.

«Я люблю, — твердил он, — правду,
Вид открытый, смелый взор», —
Только правды (вот ведь странность!)
Пуще лжи боялся двор.

Раз охотился дон Педро;
Утомясь, он дал сигнал,
Чтоб для завтрака у речки
Сделать маленький привал.

Тра-та-та — звучит в долине,
Меж покрытых лесом гор;
На призыв отвсюду скачут
Гранды, рыцари и двор.

Собрались. Дон Педро весел;
Сам двух вепрей застрелил

И своим весельем — лица
Всех, как солнцем, озарил!

Он смеется — все хохочут...
Разговор пошел и смех...
Но о чем же смех и говор?
Речь о чем?.. Одна у всех:

Говорят, что чудо-мальчик
Тут же коз пасет в горах —
Купидон в широкой шляпе,
С козьим мехом на плечах!

Длиннокудрый! Черноглазый!
Но хотя угрюм и дик,
А бедовый! Нет вопроса,
Перед чем бы стал втупик.

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись пажы, что стрелы,
И чрез миг его ведут.

Посмотрел король. С минуту
Призадумался... Кругом
Словно туча набежала,
Словно ждут, что грянет гром.

«Вот, — сказал он, — три вопроса:
Разрешешь — возьму в пажы!
Много ль капель в синем море?
Посчитай-ка, да скажи!»

— Я сочту, — ответил мальчик, —
Счет не долог, не тяжел,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтоб дождь не шел. —

«Ну, а много ль звезд на небе?»
И философ, не смутясь:
— Повели сойти им с неба,
Я тогда сочту как раз. —

Понахмурился дон Педро,
Двор дыханье затаил.
«Ну, а много ль дней у бога?» —
Помолчав, король спросил.

— Дни у бога крадет время.
Повели, чтобы оно
Хоть на миг остановилось —
И уж счесть не мудрено. —

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хохоча: — Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее!..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить —
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись:
«Что он — плут или мудрец?»

Грубиян!» — единодушно
Порешили наконец.

Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь...
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.

Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица.

1866

Есть мысли тайные в душевной глубине;
Поэт уж в первую минуту их рожденья
В них чует семена грядущего творенья.
Они как будто спят и зреют в тихом сне,
И ждут мгновения, чьего-то ждут лишь
знака,
Удара молнии, чтоб вырваться из мрака...
И сходишь к ним порой украдкой и тайком,
Стоишь, любишь тайнственным их сном,
Как мать, стоящая с заботою безмолвной
Над спящими детьми в светлице, тайны
полной...

1868

Возвышенная мысль достойной хочет брони;
Богиня строгая — ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и кимвал,
И песни сладкие, и волны благовоний...

Малейшую черту обдумай строго в ней,
Чтоб выдержан был строй в наружном
беспорядке,
Чтобы божественность сквозила в каждой
складке,
И образ весь сиял — огнем души твоей!..

Исполнен радости, иль гнева, иль печали,
Пусть вдруг он выступит из тьмы перед
тобой
И ту рассеет тьму — прекрасный сам собой
И бесконечностью за ним лежащей дали...

1869

Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мне тайны их бесед...
Ах, жаль, что подле них тут резвой речки
нет:
Она б давно сказала мне их думу...

1870

ДВЕ БЕЛОРУССКИЕ ПЕСНИ

1

ПЕТРУСЬ

Ой, худые вести
Люди приносили.
Бедного Петруся
Досмерти забили;
А за что ж забили,
За вину какую?
От своей-то женки
Полюбил чужую!
Как же мог подумать
О такой он пани?
Пани — вся в атласах,
Ты ж — в худом кафтане!
Пани трех служанок
За Петрусем слала;
Не дождалась пани,
В поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусик,
Соху середь поля!
Пана нету дома —
Полная нам воля!»

Верные холопы
Пана повестили;
Панские хоромы
Крепко оцепили.
Выглянула пани,
Видит — хлопов кучи;
Панский конь весь в мыле,
Пан — чернее тучи...
«Серденько Петрусик,
Утекай скорее!
Пан приехал: тучи
Громовой чернее!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьют и бьют Петруся
Час, другой и третий.
Парень уж не дышит;
Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли к Дунаю...
Быстр Дунай раскрылся...
«Вот тебе, голубчик,
Что пригож родился!»

Вельможная пани
В сени выходила;
Пани рыболовам
По рублю дарила:
«Будет вам и больше,
Рыбачки, — идите,
Моего Петруся

Тело изловите!»
Рыбаки искали
В омуте и тине —
И нашли Петруся
В Жалинской долине,
Некого им к пани
Вестником отправить,
Чтобы приезжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродит, как шальная;
О своем Петрусе
Плачет мать родная;
Плачет мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплет
Белыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство с сыном
Я твоим утрачу!»

И ходила пани
Борами, лесами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Все об остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росе смочила.
Ходит пан по рынку,
Тяжело вздыхает;

На себя сам горько
Плачется, пеняет:
«Ведай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мешал Петрусю б
Тешиться я вволю!»

2

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Как придет мой час, помирать начну,
Соберитесь вокруг меня!»

Ходят в горенке, сынки шепчутся,
Как им мать хоронить;
Ходят в горенке, зятя шепчутся,
Как добро разделить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкруг матушки вьются!
А невестушки ходят в горенке,
Над ними смеются.

1870

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

1881

ХУДОЖНИКУ

К тебе слетало вдохновенье —
Его исчерпай все зараз,
Покуда творческий восторг твой не погас,
И полон ты и сил и дерзновенья!
Оно недолго светит с вышины
И в смысла вещей, и духа в глубины,
И твоего блаженства миг недолог!
Оно умчалось — и тотчас пред тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни ночь задернет темный полог.

1882

О царство вечной юности
И вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
Нам чувствуешься ты!

Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!..
С бессмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стих,
Моцартовы мелодии,
Все радостное в них —

Все то — не откровенья ли
С надзвездной высоты,
Из царства вечной юности
И вечной красоты?..

1883

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы вляясь в его бессмертный стих,
Земное всё — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

1887

Мысль поэтическая — нет! —
В душе мелькнув, не угасает!
Ждет вдохновенья много лет,
И — вспыхнув вдруг — как бы в ответ
Призыву свыше — воскресает...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце рана —
И не одна, — чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...

1887

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкою своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам —
Промчался вихрь—пять-шесть мгновений.
И, в встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Чрез все полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозит и блеск и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И все свирепей и быстреей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огонь и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удалце
Ее честят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Все готово. Муסיкийский
Дан сигнал... сердца дрожат...
По арене Олимпийской
Колесниц помчался ряд...
Трепеща, народ и боги
Смотрят, сдерживая крик...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный миг!
Главк... Евмолп... опережают...
Не смотри на отсталых!
Эти... близко... подъезжают...
Ну — который же из них?
«Главк!» — кричат... и вон он, гордый,
Шагом едет взять трофей,
И в пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887

Уж побелели неба своды...
Промчался резвый ветерок...
Передраассветный сон Природы
Уже стал чуток и легок.
Блеснуло солнце: гонит ночи
С нее последнюю дрему —
Она, вздрогнув, открыла очи
И улыбается ему.

1887

У МРАМОРНОГО МОРЯ

1

Всё — горы, острова, все утреннего пара
Покрыто дымкою... Как будто сладкий сон,
Как будто светлая, серебряная чара
На мир наведена — и счастьем грезит он...
И с небом слитое в одном сияньи море
Чуть плещет жемчугом отяжелевших
волн, —

И этой грезю упиться на просторе
С тоской зовет тебя нетерпеливый челн.

1867

2

Румяный парус там стоит,
Что чайка, на волнах ленивых,
И отблеск розовый бежит
На их лазурных переливах...

1887

СТАРЫЙ ДОЖ

«**П**очь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...»¹

Занимает догарессу
Умной речью дож седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...

Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!

Чтоб укывшийся в лагуне,
Лев святого Марка стал

¹ Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина, как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же было дальше?

Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропада!л!

Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли?

Пода!л знак — гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плавает!..»

Кончил он, полусмеяся,
Ждет улыбки, но — глядит —
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..

«Все дитя еще!» — с укором,
Полным ласки, молвил он —
Только слышит — вскинул взором —
Чье-то пенье... цитры звон...

И все ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...

Дожу вспомнилось бы!ое...
Море зыбилось едва...
Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!»

Вздвогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь: плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:

«С старым дожем плыть в гондоле...
Быть — его и — не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...»

Тот «другой» — о догаресса!.. —
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса, —
Но он — любит и — любим!..»

Дождь рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,
Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она — или не спит?!..»

«Не стставай от века» — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет: выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растет,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мимобегущих вод!
Пусть их напор неровности в ней сгладит,
Порой волна счастливый даст толчок, —
А золота крупинку мчит поток —
Оно само в стихе твоём осядет.

1889

Вчера — и в самый миг разлуки
Я вдруг обмолвился стихом —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечным лучом
И близь и даль озолотило...
Но не кори меня, мой друг!
Венец свой творческая сила
Кует лишь из душевных мук!
Глубоким выхвачен он горем
Из недр души заповедных —
Как жемчуг, выброшенный морем
Под грохот бури — этот стих!

1889

II

МАШЕНЬКА

Куда как надоел элегий современных
Плаксивый тон; то ль дело иногда
Послушать старичков-рассказчиков
почтенных

Про молодости их удалые года,
Невольню веришь им, когда, почти с слезою,
Они, смотря на нас, качая головою,
Насмешливо твердят: «То ль было
в старину!»

Теперь из их времен я свой рассказ
начну.

Хоть он в моих устах теряет сто процентов;
Хоть ныне далеки мы от блаженных дней,
Дней буйных праздников, гусарских кутежей,
Уездных Ариадн, языковских студентов;
Хоть этих лиц теперь почти уж боле нет;
Хотя у нас теперь иные люди, нравы, —
Но все еще пойдем мы были прошлых лет
И дедов старые проказы и забавы.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жил на Песках один чиновник. Звали
Его Василий Тихоныч Крупа.
Жил тихо он. В дому лишь принимали
По праздникам с святой водой попа;
А братии своей мелкочиновной
Он никогда почти не приглашал,
Хоть знали все, что службой безгреховой
Он тысячу рублишек получал,
Да дом имел: итак, квартира даром,
Так «скуп старик» — все говорили с жаром.

II

Когда бы вы увидели его,
Вы, чуждые чиновничьего мира,
«Чудак, чудак!» — сказали б про него;
И воротник высокий вицмундира,
И на локтях истертое сукно,

Уста без жизни, волосы клочками,
Глаза тупые с бледными зрачками, —
Да, точно б, вы сказали: «В нем давно
Все человечество умерщвлено».

III

Он двигался, как машина немая;
Как автомат, писал, писал, писал...
И что писал — почти не понимал,
На благо ли отеческого края,
Иль приговор он смертный объявлял —
Он только буквы выводил... Порою
Лишь подходил к соседу стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплин, а так... понюхать табачку.

IV

Над ним острился молодой народ:
— Чай, в сундуках у вас есть капиталец,
А ведь, злодей, к себе не позовет.
— Что деньги вам: ведь вы один, как
палец.
— Куда-те? Говорят, что дочка есть.
— Скажите! Что, на вас она похожа?
— Ну, если так, вам небольшая честь.
— И у нее шафрановая кожа? —
Старик молчит или, поднявши глаз,
Из-за пера шепнет: «Получше вас».

Так жизнь его ползла себе в тиши,
Без радости и без тоски-злодейки...
Ни разу не смущал его души
Ни преферанс задорный по копейке,
Ни с самоваром за город пикник.
Но вдруг все в нем заметили движенье,
Стал о погоде говорить старик
И цену спрашивал французских книг;
Видали, он на Невском, в дождь,
 в волнении,
Глядел в окно у магазина мод —
«Ишь, старый чорт!.. Кого-нибудь
 да ждет».

VI

Однажды встал он рано: задыхаясь,
Всю ночь почти он глаз и не смежил.
Вздел туфли и открыл окно. Он был
Тревожим чем-то, так что, одеваясь,
Наместо колпака чуть не надел
Чулоч. Был праздник; день светился яркий;
Кругом далеко благовест гудел;
Тут в берегах тесьмой канал блестел;
В кружок теснясь, за миской шей на
 барке,
За полдником сидели бурлаки...
Какое утро с свежестью и жаром!
Земля как будто дышит ранним паром,
А небеса так сини, глубоки!

VII

Василий Тихоныч открыл окошко
 Другое, в сад — и ветерок с кустов,
 Как мальчик милый, но шалун немножко,
 Его тихонько ждавший меж цветов,
 Пахнул в лицо ему, в покой прорвался,
 Сор по полу и легкий пух погнал,
 На столике в бумагах пошептал
 И в комнате соседней потерялся.
 Василий Тихоныч глядел кругом
 На зелень, на сирень, большим кустом
 Разросшуюся там, — и улыбался.

VIII

Единственной забавою всегда,
 И собеседником его, и другом
 Был чижик. С ним одним между досугом
 Он разговаривал, и иногда
 Не только о вещах обыкновенных,
 Но даже о предметах отвлеченных.
 Почувствовав прохладный ветерок,
 Чиж стал скакать по клетке и забился;
 Вдруг сел; чирикать начал и залился.
 Потом так громко, чисто, как звонок.
 Василий Тихоныч, ему с улыбкой
 Грозя, речь начал: «Что, куда так
шибко?
 Что, Шурочка, распелся так куда?
 Что весел так? Иль знаешь разве? А?

А кто сказал тебе? Подслушал, верно,
 Как говорил вчера Анютке я?
 Подслушать тоже любишь?.. Я тебя!
 Мошенник! Наказать его примерно!
 Сейчас скажу директору!.. Смотри!
 Ну, что ты слышал, Шурка? Повтори!
 Что?.. Машенька к нам будет?..
 Знаешь Машу?
 Не знаешь? То-то ты и спал всю ночь.
 Полюбишь ли ее, голубку нашу?
 Смотри же — полюби: она мне дочь.

X

Она тебя за то полюбит тоже...
 Ну, а как нет? А как начнет скучать,
 И станет плакать, и худеть, вздыхать?
 Не пережить мне этого... Эх, боже!
 В три месяца, чай, к роскоши она
 Привыкла у княгини... ведь не шутка —
 Балы, театр... А здесь?.. Не сметена
 Ведь даже пыль... Что ж дрыхнешь ты,
 Анютка!
 Да подмети, да пыль сотри. Ишь, сад
 Зарос совсем. Дай заступ поскорее, —
 Куртинки пообрежу... да в аллее
 Проклятый подорожник вон... да с гряд
 Крапиву... Ах, мой бог, какая гадость!
 Что, старый хрыч, о чем же думал ты?
 Цвель, крапива — славные цветы!
 Вот хорошо готовил дочке радость!»

XI

Он принялся копать, возил песок,
Полол и рыл, как записной садовник.
Ну, глядя на него, никто б не мог
Подумать, что он классный был чиновник...
Уж полдень был. Затихнул ветерок;
Недвижные листы к земле склонились;
Железо крыш и камни накалились;
На улицах все пусто; тишь кругом;
Один мужик на барке да собака
На солнце спали; голуби рядом
Под крышею, под слуховым окном
Уселися, ища прохлады мрака.

XII

Василий Тихоныч, кряхтя, отвез
Последний сор. «Ну, этак будет лихо!»
Сел на скамью под ветвями берез,
Отер свой лоб и любовался тихо,
Как мак, нарцисс пестрели между роз.
«Ну, лихо будет!.. Уф, как жарко, душно!
Умаялся». Совсем не думал он,
Чем за свой труд он будет награжден:
Лишь не было б здесь только Маше скучно.
«Ну, дождался, голубушка, тебя!
Целковики копил недаром я!
Вот поживем годок-другой, а там уж
Как раз пристроимся и выйдем замуж!
Ух! Набежит пострелов! Кликни клич —
Лука Лукич, да что Лука Лукич!
Столоначальники... мое почтенье!..

Бей выше... сам начальник отделения!..

Анютка, выйди-ка в переулок, — что?

Не видно ль там... не едет там никто?

Гляди, гляди, послушай-ка, что это?»

— Да ничего не видно... — «Врешь,

карета...»

Как ничего? Гляди... Я слышу стук».

— Да кабы стук, так слышно б... —

Старый бредит.

«Анютка!.. Эй, беги, подай сюртук,

Да что ж стоишь ты, дура?.. Едет, едет!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Василий Тихоныч не мог довольно
Налюбоваться дочкою своею.
Заботливо показывал он ей
Сад, комнаты и, трепеща невольно,
Смотрел, как ей понравится. «Вот тут
Гостиная... У нас пойдут балишки.
Ух! Гости-то наедут, набегут;
Постарше кто — посадим за картишки...
В саду — фонарики со всех сторон.
А здесь, смотри, какой у нас балкон;
По вечерам мы будем на балконе
Пить чай».

— Ах, да! Я буду вам читать
Всю ночь, всю ночь! Я так люблю не спать!
Как весело! Не то что в пансионе —
Там в десять уж извольте поживать!

II

«Какая ты хорошенькая, Маша! —
Любуясь ею, говорил папаша. —
Да поцелуй меня еще, дружок...»

Эх, нет покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судил ей бог,
Как мне, дожить до этакого счастья! ..»
Старик отер слезу, и из очей
У Машеньки блеснули слезки тоже.
«Эх, старый я дурак! Ну! Царство ей
Небесное! Ты мне всего дороже!
Не плачь, дружок, развеселись скорей».

III

Как описать вам Машу беспристрастно?
В ее чертах особенности нет,
Хотя черты так тонки и прекрасны,
Заманчив щек прозрачный, смуглый цвет,
Коса густая, взор живой и ясный...
Но не люблю я дев ее поры:
Они — алмаз без грани, без игры;
И я, смотря на деву молодую,
Прекрасную, как мраморный антик,
Твержу — ах, если б жизни луч проник
И осветил чудесную статую!

IV

Действительность, где страждет нищета,
Где сдавлен ум ярмом порабощенья,
Где ждет, как манны божьей, усыпленья
Озлбленное чувство, жизнь — пуста.
Вся в кукольной комедии приличий,
Где человек — манкен, где бог — обычай, —

Была для Маши пламенной чужда
И называлась прозою презренной.
В ней разум спал; зато ее мечта
Работала, как зодчий вдохновенный.
Фантазия без образов, без лиц,
Как дивное предчувствие чего-то,
Творила мир без цели, без границ,
Блестевший яркой, ложной позолотой.
То гением хотелось ей парить
И человечеству благотворить:
Одним движеньем палочки волшебной
Пролить покой и силу целебной
Больные раны излечать; то в глушь
Уйти, меж гор и бездн; жить в гроте диком
С одним созданием избранным, великим
И утопать в гармонии двух душ...

V

Для старика немного измененья
В житье-бытье произошло тогда,
Как появилась Маша: иногда
Был на гуляньи с дочкой в воскресенье;
Ложился позже, позже стал вставать;
На цыпочках ходил, когда читать
Изволит Маша... Лилии, тюльпаны
В саду явились; в зале фортепьяны
(Хоть музыкантшей Маша не была)
Да пальцы у рабочего стола.
На столике валялось разных книжек
Десяток — вот и все... Ах, нет, забыл,
Из Шурочки вертлявый желтый чижик

Повышен: Ламартином назван был,
Хоть старику темна была причина —
«Да чем же хуже Шурочка Мартына?»
Почти не изменилось ничего;
Предметы те же, но с иной душою,
С иной жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить всё собою!
Вокруг нее как будто разлита
Нам чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свет, и мир, и теплота,
Любовь и смех, спокойствие и вера.

VI

Прошла неделя — Маша весела;
Глубокий мир ее уединенья
Воспламенял ее воображенье...
Сердилась лишь, скучна была,
Когда старик опаздывал обедать,
Да на подруг роптала — не могла
Никак понять, как можно не проведать?
Не раз она в Морскую в бель-этаж
Послания по почте отправляла;
Решила объяснить и писала...
Как вдруг гремит знакомый экилаж,
И с дочерью подъехала старушка.

VII

— Zizine!

— Marie! Вот, видишь ли, Marie,
Как слово я держу.

— Zizine! Ах, душка!
О, мы друзья, и вечно? Говори!
— О, вечно!..
— У меня так было много
Тебе сказать...
— И мне!
— О, ради бога.

Скорей!
— Постой. Как мило у тебя —
Цветы...
— Цветы? Всё накупил папаша.

Ты не поверишь, душка, как меня
Он любит.

— Твой рара?.. Ах, Маша,
Мне кажется, я полюблю его
За то, что он тебя так любит... Право.
Хоть он такой...
— Zizine!

— Ах, ничего, —
Ну, не сердись. Что это за кудрявый
Цветок?

— Простой.
— А этот вон, большой,
Высокий, желтый? Верно, дорогой!

— Подсолнечник.
— Милашка! Ах, конечно,
Я для себя велю купить... Marie,
Завидовать тебе я буду вечно!
Как хорошо тебе здесь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько тени!
Какой чудесный запах от сирени...
Как весело здесь целый день гулять,

Мечтать и думать, думать и мечтать.
— Конечно... Но одной, без друга, скучно!
— А я-то что ж? Ты только напиши,
Верь, я явлюсь. Мы были неразлучны
И в классах. Ты — ты часть моей души.
— Ах, добрая Zizine!

Смеясь сквозь слезы,
Подруги обнялись. Как вешни розы
Пылали щеки их; рука с рукой;
Головка Маши смуглой и живой
Лежала на груди блондинки Зины.
У Грёза есть подобные картины.

VIII

М а ш а: — Я многое обдумала одна,
О боже! Для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я ведь не жадна
И, верь, презренного металла, злата
Желала б я для счастья людей.
Пренебрегла бы я законы света:
Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,
В страданиях — нашла бы я поэта;
К нему б пришла я ангелом любви;
Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
Но я даю тебе, своей рукою —
Любовь мою и золото: живи!
Живи!..» Ему была б я вдохновеньем;
Он миру бы слова небес вещал;
И целый мир ему б рукоплескал...
Как я б была горда своим твореньем!
— Когда б, Marie, была поэтом я,

Я б выбрала тебя своею музой!
Но ведь поэты — гадкие мужья;
Брак, говорят, им тягостные узы...
Кто это, погляди, Мими, скорей!
Кавалерист, и на коне... Вот чудо!
Вообрази: знакомый! Точно: он
Бывал всегда у Верочки Посуды.
— Противный! Как он был всегда смешон!
Я презираю!

— Что же он здесь скачет?

Ах, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещут, как огонь!
Ах, душка — каска! Что же это значит?
Зачем он здесь?

— Как смел?

— Скорей уйдем.

Подумает, что мы нарочно ждем.

— Заговорит, пожалуй!.. Фи, как стыдно!

— Ах, боже! Маменька, за мной... Прощай,
Marie!

— Прощай, Zizine. Не забывай!

— Ах, quelle idée!¹ Мне, право, преобидно!

— Нет, поклянись!

— Я раз уж поклялась.

— Так мы друзья?

— Ах, боже мой, конечно!

— И вечно?

— Да!

Карета понеслась,

И девушки расстались с криком: «Вечно».

¹ Какая мысль! — *Ред.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Чуть освежась холодною водою
И наскоро свернувши косу змейкой,
В капоте легком, с обнаженной шейкой,
Красавица являлась в садик свой,
К своим цветам, то с граблями, то с лейкой.
Потом в тени, среди семьи цветов,
Как их сестра, садилась и читала.
О, как тогда ее кипела кровь!
Из рук порою книга выпадала.
И в сладком забытьи неслась тогда
Душа ее... бог ведает куда...

II

Кавалерист меж тем являлся чаще...
То будто вихрь промчится на коне
В красивой каске, в блестящей броне;
То так идет, расстроенный, молящий.
Он Машеньку немножко занимал
(Так, крошечку! Предмет ее мечтаний
Все был поэт — дитя святых страданий).

«А этот что? Быть может, проиграл!
Ведь эти гадкие мужчины, право,
Бог знает как живут!.. Противный он!
Обкрадывать друг друга им забава!»
Она ушла, захлопнувши балкон;
Но на себя потом досадно стало.
«Кто право дал его мне оскорблять;
Могу ль я людям запретить гулять
По улице! Им нравится — пожалуй!
Пускай и он... привыкла я давно;
Быть может... О, мне, впрочем, все равно!»

III

Как звезды средь небесного селенья,
Он совершал обычное течение.
Так медленно идет, усы крутит,
Вздыхает, в сад задумчиво глядит.
Раз, встретив взоры Маши, поклонился,
Но так был бледен, грустен и угрюм,
Что в этот миг ей не пришло на ум,
Что надо рассердиться. Он сокрылся.

IV

Другой, быть может, бросил бы письмо.
Но сей герой писал не очень шибко —
Он размышлял — в письме одна ошибка
Испортит дело: вечное клеймо!
Ведь девушка из пансиона часто
Напишет правильней, чем Марс усастый.

Остановясь однажды за решеткой,
Заговорил он так печально, кротко,
Что Маша испугалась его.

— Сударыня, вам ничего не стоит
Страдальца осчастливить.

«Мне, кого?»

Что вам угодно?»

— Если беспокоит
Вас просьба — я, пожалуй, замолчу.

«Что вам угодно?»

— Ах, прошу... позвольте...

Из сада вашего иметь хочу

Цветок я непременно.

«Вот, извольте».

— Нет, нет, не этот.

«Розан?»

— Нет, не тот.

«Который же? Скажите, я не знаю.»

— Ах, если б мог я указать... Ну, вот

Что подле лилии...

«Не понимаю;

Тут был нарцисс — его я сорвала».

— Нет, не нарцисс... Вы им так

любовались!

Тюльпан, где, помните, еще ползла

Букашка; вы сначала испугались...

«Не знаю, где же мне его найти?..»

— Позвольте на минуточку войти?

«Как это можно? Папеньки нет дома».

— Так что ж, ему расскажете потом,
Что приходил я только за цветком —
Что ж тут дурного?

«Вы ведь незнакомый!»

И думала она, как Гамлет — быть
Или не быть — впустить иль не
впустить?

«Ах, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!
Я закричу».

— Уйду-с... Так вы цветок

Уж ни за что сорвать мне не дадите?

Вы лед: душа в вас, как гранит, жестка.

Вы слезы лить готовы над романом,

А человек пред вами хоть умри —

Вам все равно. Каким-нибудь тюльпаном.

Который свянет нынче ж до зари,

Вы дорожите... Это ведь ужасно!

«Возьмите, я хоть все цветы отдам;

Мне их не надо... Но зачем же вам

Тюльпан так нужен?»

— Ангел мой прекрасный,

И можете вы спрашивать — зачем?

Глядеть и знать, что вы его касались,

Что вы ему с любовью улыбались —

А я слезами оболью... Затем,

Чтоб он всегда мне вспоминал мгновенье,

Когда от вас теперь, из сожаленья,

Он дан мне... Вы не знаете, ваш лик

Как ангела господня я встречаю,

С тех пор, как вас увидел, я постиг

Все ваши совершенства.

«Я не знаю,

Чего же вы хотите?»

— Иногда

Позвольте видеть, слышать вас, хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мне искупить ценою слез моих —
Позвольте? О, я вам благодарен
За жизнь. Ах, дайте ручку!.. —

В этот миг

Анютка из окна шепнула: «Барин!»
«Ах, папенька! Пустите.»

— Я приду

Сюда же завтра.

«Боже мой, скорее

Уйдите!»

«Машенька, где ты! В саду?

Анютка, собирай обед живее!

Здорово, Маша, ангелочек мой.

Не знаю, право, друг мой, что со мной?

Я смолоду трезов был в поведеньи;

И нынче разве что для дня рожденья

Сотерну рюмку. Я, вот видишь, встал;

Ну, к должности пришел; де-а сыскал —

Всё хорошо. Кузьма Ильич Батыев

Перебелить мне предписанье дал

В палату в Могилев, нет, прежде в Киев —

Все хорошо — окончил — написал.

Сел за другое: тут меня схватило

Под ложечкой, в глазах аж помутило.

Да, слава богу, тут случись со мной

Ошлепников, Панталеон Иваныч.

«Что с вами, — говорит, — вы б шли домой

Да выпили чего такого на ночь».

Насилу вышел — тут уж отлегло,
И, слава богу, вот совсем прошло.

«Ах, бедненький! Ах, добрый мой
папаша!» —

Как коршуна избегший голубок,
К отцу прижавшись, зарыдала Маша.

— Эх, дурочка! Прошло ведь. С нами бог!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Как тонкий яд в взволнованную кровь,
Прокралась в сердце Машеньки любовь;
И мощно вдруг в душе проснулись юной
Живым аккордом дремлющие струны.
Ей чудный мир открыл врата свои,
Мир сладких тайн, пленительных мечтаний,
Мир с нею блаженства и страданий,
Со всею милой глупостью любви.

II

О, не беги любви, дитя мое!
Пусть розы цвет лицо твое утратит,
Зато твой дух, все бытие твое
Такою полной жизнью охватит!
Вокруг тебя пока мир целый спит;
Потом проснется вдруг, заговорит;
В блаженстве ты душою с ним сольешься;
Тогда найдешь ты друга в нем себе:
Он засмеется, если ты смеешься,
Заплачет, если плачется тебе.
И звезды вечера тебе укажут
Свой тайный смысл; поймешь внезапно ты,

Что шепчут ночью листья и цветы;
И слезы дивные глаза увлажят;
Услышишь — мир шепнет тебе:

«люблю» —

И этот звук проникнет грудь твою,
И грудь твоя, уста и очи скажут:
«И я люблю»...

III

У Машеньки в глазах
Все изменилось: будто на крылах
Какой-то гений, дух неуловимый,
По комнате ее порхал незримо,
Над нею вился, жил в ее цветах.
Как часто вдруг, себя не понимая,
Невольно остановится она;
Глядит и внемлет, втайне замирая,
Как будто бы она там не одна:
В ее окно ворвавшиеся ветки
Черемухи, сирени и берез,
И ветерок, дышавший негой роз,
И чижик, словно прыгавший по клетке,
Как будто с кем-то были заодно
И видели невидимое ею...
И Маша думала: «Душа его
Является беседовать с моею»...

IV

Теперь, в часы волшебных вечеров,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною стала

Ей музыка. Язык ее без слов
Так ясен был, так полн душевной боли;
И в этом царстве воплей, бурь и слез
Неосязаемый редел хаос,
Мир возникал веленьем высшей воли,
Но книга — прежде верный, милый друг,
Теперь у ней уж падала из рук:
Казалось ей там все так глухо, немо...
Что ей Омир и Шекспир, если в ней
Творилася великая поэма,
Всех эпопей громадней и живей?
Как ни возись с октавой иль сонетом —
Все будешь перед ней плохим поэтом!

V

Какие ж песни пела муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
В величии героев древних дней,
Строителей Бабёля и Пальмиры,
Иль рыцарем креста, любви и дам,
Иль музыкальным странником Прованса
Ее герой предстал ее мечтам?
В его речах — то нежный стих романса,
Исполненный любви, и слез, и нег,
У окон замка, с арфой, ночью лунной;
То вопли Байрона, земле перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый смех,
Великий, злой — хоть женски-малодушный.
И чувству новому во всем послушно
Вся отдалась она своей душой;
Участия хоть в ком-нибудь искала;

И, наклонясь над розой молодой,
Как другу, тайно ей она шептала
События романа своего,
Тоску любви и трепет ожиданья,
Восторг и робость тайного свиданья
И долгого лобзанья волшебство...

VI

Он говорил: — Мы будем неразлучны,
Поедем в полк; возьмем отставку; там
Постранствуем по разным городам,
В Италию — о, нам не будет скучно!
Но мой отец — он человек крутой,
Меня женить он хочет на другой,
Но пусть меня оставит он без крова —
Лишь сердце может друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папеньке не говорить ни слова.
Уж он кому-нибудь словцо ввернет:
Расскажет — ну, хоть чижику, а тот
Анютке; Аннушка — куме Феклуше,
И прокричат по улицам кликуши.

VII

О боже мой! Все есть в его словах,
Чтоб поширять фантазии летучей:
Гоним отцом, — ему душой могучей
Противостал; он презрел тлен и прах
(Касательно наследства); как изгнанник,
Скитаться он пойдет, печальный странник;

Но с ним она — под небом голубым
Италии; там гондолы и Brenta;
Там мир искусств; Феррара и Сорренто,
Везувий, море, Колизей и Рим!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Василий Тихоныч имел привычку,
Обед окончив, поласкавши птичку,
Пойти всхрапнуть.

Однажды той порой
В ближайшей к дому улице глухой
Остановилась странного размера
Извозчичья карета. У угла
В шинелях два стояли офицера,
И бойкая у них беседа шла.

II

Один из них был давний наш знакомец —
Кавалерист и маменькин питомец;
Хоть летопись боярской их родни
Давно хранила имена одни
Прокофия, Егора и Ивана,
Но вследствие какого-то романа
Обычая порядок изменен —
И Клавдий — Клавдием был наречен.

III

Другой — его я имени не знаю;
 Да вряд ли кто и знал, я полагаю.
 Он вышел сам из строевых чинов,
 Его все звали просто Гвоздарев.
 Он слыл всегда отчаянным рубакой,
 Лихим товарищем, а оттого
 Не обходилось дело без него,
 Грозившее опасностью иль дракой.

IV

Гвоздарев: — Ну, брат, поддел! Уж
 если ты не врешь —
 Забавная история!

«Прекрасно!

Изо всех лжей, в таких вещах, брат,
 ложь —
 Гнуснейшая, порок, братец, ужасный!
 Скажи, соврал ли я когда-нибудь?
 Ты помнишь Соню — прелесть что такое!
 Ведь не соврал? Я не могу надуть
 Товарища. Потом, княгине Зое
 Не сам ли ты записки отдавал?..
 Да что тут говорить — увидишь скоро».
 — Ну, молодец! Ведь дело не из спора.
 Вот Вьюшкин — фу, ты чорт, как врет! —
 сказал.

Что подцепил посланницу — да только
 Посланница-то просто...

«Ну, нашел!

Понравится он женщине: осел!»

— Посланница!.. Ведь правды ни на
столько!

Я только так тебе теперь сказал;
Не знаю, что за стать тебе возиться
С девчонками; и из чего тут биться —
Слез... Господи! Навяжутся... Пропал!
Я не могу — расплачусь сам, как дура.
Что делать, братец, — скверная натура!
Нет, женщин я люблю, да вот таких,
Как кто-то написал стихи про них:
«Блажен кто мог, о дева ночи»...
«Эге! давно ль ты стал читать стихи?»
— Читал, братец, да много чепухи.
«Так девочки...»

— Ни на что не похожи.

«И я тебе скажу стихами тоже,
Старинные: как в корпусе я был,
Еще тогда их как-то затвердил —
С девицами мне очень пригодилось.
Как, знаешь, брякнешь вдруг: —
«Постыли мне
Все девы мира!» Смотришь — и
склонилась
Головкою и тает, как в огне;
А я себе реку, как жрец искусства:
«Ты рождена воспламенять...»
Фу, чорт!
Соперник тут — капут и á la porte!¹
...
— Да, хорошо в стихах, а так-то гадко,

¹ За дверь. — *Ред.*

Поплачешься. Ей-богу, никогда
Не буду брать я на себя труда
Вам помогать. Бьет, точно лихорадка.
«Эх, баба, трус! Тебе б гусей пасти;
Да если ты боишься, так поди.»
— Нет, что! Уж обещал.

«Чего ж ты трусишь?»

— Да, как заплачет, так язык прикусишь.
Смотри, мелькнуло что-то там, в саду.
«Ну, жди меня, я тотчас с ней приду».
— Ступай, ступай! Уж эти мне интрижки!

.
.
Добро б мещанка — ну, туда-сюда,
Ну, немка, швейка, или хоть цыганка,
А то ведь все, как ни было б, дворянка.
Чай, у нее и связи и родня. . .

V

К л а в д и й, М а ш а

— Ну, ангел мой, давно я жду тебя;
Что, наконец успела ты собраться?
«Куда же, друг мой?»

— Как куда? Венчаться.

«Послушай, Клавдий, нынче я всю ночь
Проплакала».

— Что так?

«Мне страшно было. . .»

— Пожалуйста, дурного не пророчь.
«И не было во мне день целый силы

Глядеть на папеньку; зачем скрывать
От старика?»

— Ну, расскажи, пожалуй —

А он пойдет по городу болтать.

И план наш, счастье — все как не бывало!

Нет, ты меня не любишь. Для тебя

Я бросил все... Что ж, этого все мало?

Нет, это не любовь.

«Ах, полно! Я твоя...»

— О чем же плачешь ты, душа моя?

«Не знаю... Так... Мне в этот миг

казалось,

Что будто бы навек я расставалась

И с домиком и с садом...»

— Пустяки!

Мы завтра же сюда как раз подкатим.

Папá нам будет рад — ведь старики

Посердятся, а там, глядь, в три ноги

Ударят сами... Но мы время тратим.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Прошло три дня. Поутру Гвоздарев
Шел к Клавдию. «Чорт знает что со мною!
Ведь, кажется, натурой боевою
Я наделен, и двадцать пять годов
На линии чуть с чортом не сдружился.
А тут теперь с девчонкой повозился...
Стал сам не свой, а гадко, чай, взглянуть.
Уж не болезнь ли это? Ноет грудь...
Нет, не болезнь, а просто скверность. То-то,
Все думаешь затылком. Помогать
Чорт знает в чем припала вдруг охота!
Да не подумал, к роже ль, есть ли статья!
Эй, Куликов, ну что, не принимают?»
— Да, не звали; должно быть, почивают.
«Здоровы?»

— Слава богу.

«А она?»

— Кто-с, барыня? Да что им?

«Очень плачет?»

— Известно, плачут.

«Чай, она больна?»

— Да, то больна, а то поет и скачет.

«А барин что?.. Он крепко полюбил?»
— Насчет того не слышно разговора,
Да мы недолго ведь — наскучит скоро.
«Ну, ты скажи, что я, мол, приходил».

II

А Клавдий, с трубкой длинною в руках,
На канаве сидел, как падишах,
В халате шитом, в узорочной феске.
Луч солнечный, скользя сквозь занавески,
Прозрачный дым разрезав, за клубив,
По комнате лился золотой струей;
И мимоходом, ярко озарив
Тальони бюст, хрусталь с живой игрою,
Он упал на голову, на грудь
Марии спящей.

III

Милое создание!..
Кто на нее, в волшебном обаянии,
Не загляделся бы, боясь дохнуть?
Как живописно, как небрежно-ловко
Она раскинулась: одна рука
Заброшена за милою головкой;
К другой прижалась жаркая щека;
И косы, пышные, как шелк развитый,
Бегут, блестя, с подушки пуховой;
Там ножки так заманчиво открыты,
И очерк форм прекрасных... чудный вид...
Устами бы коснулся, упоенный,

Холодных плеч, щеки
воспламененной! . .

Но эта мысль, которая не спит
И спящею красавицей играет,
То пурпуром лицо ей обагрят,
То бледностью в ланитах пробежит,
То сдавит грудь, и грудь ее занует,
Как будто крик обиды в ней замрет,
То ужасом уста ее раскроет,
То в поцелуй горячий их сомкнет;
Нет, эту мысль, ту деющую душу
В ней чувствуя и с трепетом следя,
Ты, очарован, скажешь: «Спи, дитя,
Сна таинства я дерзко не нарушу».
И Клавдий думал: «Пусть она поспит,
Покуда самовар не закипит».

IV

«Ну, розанчик, насилу встала ты,
Ленивица. А я уж приступаю
К чаю.

— Зачем же ты, не понимаю,
Не разбудил?

«У вас ведь все мечты.
Особенно под утро — о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видела во сне?
А, покраснела!»

— Вам какое дело?
«Признайся, все мечтала обо мне?»
— Вот вздор какой! Нимало.

«Покраснела! . .

Мадам прислала шляпку и бурнус.
Когда не так — прошу уж извиненья —
Я виноват: я выбрал на свой вкус».
— Ах, шляпка белая... я в восхищеньи!
Вот именно какой хотелось мне.
«Да не ее ль ты видела во сне?»
— Пожалуйста!.. Ах, как сидит чудесно!
Бурнус прекрасный. Этот цвет небесный
Ко мне идет. Ведь я всегда бледна,
И брови черные, глаза большие,
Ну, погляди, я, право, недурна.
Я выпущу тут локоны: густые
И черные на голубом — *charmant*,¹
Вся завернусь в бурнусе с гладкой спинкой,
На шее с легкой палевой косынкой,
В атласных башмачках — *mais c'est piquant!*²
«У! Божество мое!»

— И мы с тобою
Поедем за город, где нет людей.
«Хоть за сто верст».

— Я жажду всей душою
Увидеть небо, лес, простор полей.
Ведь я почти природы не видала;
Раз только летом с папенькой гуляла:
За нашим домом поле и ручей —
Как весело... Ах, что-то мой папаша!
Что с ним теперь! Ах, боже мой, где он?
Он не простит меня!.. Он раздражен,
Он так любил меня!..

¹ Очаровательно. — *Ред.*

² Это так пикантно. — *Ред.*

«Что это, Маша,
Опять ты плачешь — скучно! Я сказал,
Что он нам даст свое благословенье,
Но надо ждать. Священник не венчал
И не хотел венчать без позволения
Родителей, но после обещал
Поехать завтра же к архиерею.
Меня ты сердишь глупостью своею».
— Прости меня. Я верю, я о том
Не буду даже думать.

«И прекрасно!»

И вот она опять с улыбкой ясной,
Исчезла миг сверкнувшая слеза;
Она глядела так ему в глаза
Доверчиво, как смотрят только дети.
— Послушай, Клавдий, ты мне все на свете,
Ты счастлив ли, как я?

«А мог ли б быть

Я меньше счастлив?»

— О, как жизнь прекрасна!

А жизнь в одном лишь слове — век любить.
А ведь живут и без любви... Ужасно!
Не верю я — жить без любви — страдать.
Но знаешь ли, когда б меня спросили,
Как я люблю и сколько — отвечать
Я б не могла... Ужели б заключили,
Что не люблю я? О, как свет смешон!..
«Эге, так вот, не в этом ли твой сон?»
— Ах, ты все шутишь!.. Помнишь ли, об
этом
Ты говорил со мной давно уж, летом;

Ты, помнишь ли, сказал мне, что любовь
Без жертв не есть любовь; я этих слов
Значение теперь лишь угадала.
Хоть я тебе покорна, как судьбе,
Все кажется, что сделала я мало
И что ничем не жертвую тебе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Как опустел наш домик на Песках!
Закрыты ставни, заросли травой
Дорожки, и крапива в цветниках.
Недавно бурей сломаны ночью,
Лежали ветви желтые дерев;
Никто прибрать не думал их с дорожки,
Ни подвязать попорченных кустов,
Ни вставить стекол выбитых в окошки.
Василий Тихоныч лежал больной,
Без памяти, в горячке. День-деньской
При нем была сиделка нанятая,
Гадавшая спокойно при больном,
Что скоро ли ее доука злая
Окончится каким-нибудь концом,
И вымещавшая на кофеишке
Заботы о проклятом старичишке.

II

Нет, время не старик. Нет, в старце ум
Спокоен, мудр, безгневен, тверд, угрюм.
Нет, время — женщина, дитя: ревниво,

И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное — вдруг радость унесет,
За миг блаженства вырвет злые слезы,
Сорвет с чела цветущий мирт и розы
И тернием колючим обовьет;
Но вдруг потом пробудится в нем жалость,
И выкупить свою захочет шалость —
Тут явится оно опять, как друг,
И исцелит мучительный недуг.
Василий Тихоныч, чуть-чуть, помалу,
Стал поправляться, в комнате бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять один в соседстве, по каналу.

III

Осенний день был ярок. Громкий звон
Гудел далеко. Было воскресенье.
Василий Тихоныч встал рано. Он
Всю ночь не спал. Тяжелые виденья
Его терзали, отгоняя сон.
Он вышел на крыльцо. Цыплята, куры,
Кудахча, там стеснились к пшену.
Он их ласкал при этом в старину,
А нынче отошел, сказавши: «Дуры».
Он в залу. Солнцем оживленный, там
Веселый чирик песнью заливался,
Как в дни, когда, бывало, по утрам
Здороваться старик к нему являлся
И говорил, что было за душой.
Теперь он стал с поникшей головой;

Особенно теперь он вспомнил ясно
Иные дни, которых не вернешь...
А чирик пел все так же звонкогласно...
«Да что, дурак, ты горло-то дерешь,
Да замолчи, сверчок, ушам ведь больно!»
Он отошел, сердитый, недовольный.

IV

По службе был приятель у него.
Уж двадцать лет они сидели рядом;
Вернее — двадцать лет друг к другу задом
Они сидели... Боже мой! Чего
Не делает судьба на свете белом!
Приятели по дням сидели целым,
Друг друга слыша, чувствуя, следя,
Почти в лицо друг другу не глядя.

V

Давно Иван Петрович в службе высох.
Но, может быть (не знаем мы того),
У множества голов сих странных, лысых,
Как кажется, умерших для всего,
Которых мир так жалко обезличил,
Все есть одно, куда живым ключом
Прорвалась жизнь и с чувством и с умом...
Так узник был, который пауком
Всю жизнь ума и чувства ограничил.

VI

— Василий Тихоныч, пойдем гулять.
«Где мне гулять!»

— На острова поедем.

«Эх, полно вам».

— Да что же вам лежать
Весь день в берлоге этаким медведем...
Поедьте, наденьте вицмундир.

«Ах, знаете ль, не хочется, ей-богу!»

— Ну, полно же, живей, марш-марш в дорогу!
В трактир зайдем пить чай.

«Ну, уж в трактир

Я не пойду. Там, чай, народу много,
И в публику мне страшно выходить».

— Вот то-то, все сидит, да дома тужит!

Что б, например, к обедне вам сходить?

Отец Иван обедню важно служит.

«Нет, не пойду, Иван Петрович».

— Что ж?

«Так, не могу».

— Уж вы надели брюки?

«Все не могу».

— Вас, право, не поймешь.

Да ну, скорей мундир да шляпу в руки!

«Меня как будто лихорадка бьет,

Так на сердце нехорошо».

— Пройдет!

«Нет, не пройдет; уж разве богу душу
Отдам, тогда пройдет. Так не пройтить».

— Охота вам так страшно говорить,

И всякий смертен.

«Смерти я не трушу».

— Берите шляпу.

«Что мне смерть теперь?»

— Да полно, говорят.

«Так околею,

Как пес, какой-нибудь поганый зверь,
Глаз некому закрыть мне, как злодею».
— Ну, ну, пойдём. Ну, запирайте дверь.

VI

Чиновники скромненько ваньку взяли
И поплелись рысцой на острова.

— И летом был денек такой едва ли,
Смотрите-ка, ведь будто спит Нева. —
Василий Тихоныч хранил молчанье,
Зато Иван Петрович говорил.

— Как пыльно! Уф! Дышать почти нет сил!
Да слезем тут, пройдемте до гулянья.

Смотрите-ка, народу что идет,
Чай, всякие — держитесь за карманы,
Кто их теперь в толпе-то разберет...

Глядите-ка, пристал какой-то пьяный
К купчихе, звать: повязана платком.

Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь, жирная какая!

Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!

Да это что, смотрите-ка сюда —

Здесь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часового...

Ах, нет, была, да выкрашена снова.

Послушаем шарманки. Ишь какой
Тальянец-мальчик, а уж черномазый.

Чай, сколько он проходит день-деньской!

Как вертится! Ах, дьявол пучеглазый!

Есть нечего в своей земле у них,

И суются куда бы ни попало.

Да. Ну, у нас бы припугнули их.
Вот немец — тоже честный надувало:
Я чай, поди-ка, сунься, так сдерет,
За штучку гривенник да пятьалтынник.
Вот что! И знай.

Подвинемся туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинник!
Не видишь, что чиновники... Скорей,
Василий Тихоныч, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, глядите —
Не знаете? Ведь стыдно и сказать...
Вся в кружевах теперь и блондах... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка вниз торчит... Тож лезет в знать!
Чуфарится! Туда ж с осанкой барской!..
А ведь сегодня скучно! Для меня
Гулянье не в гулянье, коль нет царской
Фамилии да батюшки царя.
Василий Тихоныч, что ж вы стоите?
Пойдем пить чай!

«Глядите-ка... глядите...»

— Кто там?

«Глядите...»

— Кто?

«Она, она!..»

Разряжена... Как весела... смеялась...
— Пойдемте прочь, вам просто показалось,
«И он верхом... Мерзавец!.. Как жена
С ним говорит... Да что вы, не держите».

— Василий Тихоныч! Уйдем, молчите!
Вы в публике... вниманье обратят.
Подумают, что вы... свести велят
В полицию...

«Она того хотела,
Так на же, пусть в полицию сведут!
Пускай при ней и свяжут и возьмут!
Пусти меня!..»

— Опомнись, это тело
И кровь твоя...

«Ну, тело, кровь, пусти!
Отца забыть! С любовником уйти!
Отец — он стар, дурак! Какое дело,
Есть или нет отец... Пускай ревет...
Оставила... Пускай с ума сойдет,
Что жить ему: околевай, собака!
Смотрите все: вон, вон она, вон та —
Анафема! Будь веки проклята!..»
— Уф, страх какой!

— Что тут за шум?

— Что? Драка?

Старик умолк. Дрожащие уста,
Казалось, говорить еще хотели,
Но голос замер, ноги ослабели,
И он упал. Коляска понеслась
Как вихрь. Толпа кругом еще теснилась.
— Я с духом все еще не собралась.
Вот ужаси! Она, моя родная,
Как взвизгнула!

— Да бледная какая!

— Что тут такое?

— Проклял дочь отец.

— Да, проклял; да за что же? Злая доля
Тому, кто проклят... Ишь ведь молодец!

— Ах, батюшка! Родительская воля!

— Ишь, проклял!..

— Он ведь как безумный сам.

Смотрели бы за ним все по пятам —

Воды-то много тут. Чтоб не случился

С ним грех какой... .

— Ты слышал, тут один

Порядочно одетый господин,

Чиновник, проклял дочь и утопился?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Пришла весна. Светлеют неба своды;
Свой белый саван сдернула зима,
Дома темны, как древние дома;
По улицам, журча, струятся воды;
Нева блестит и дымчатой волной
Играет с жемчугом зеленой льдины.
Я Петербург люблю еще весной.
Как будто есть движенье: цепью длинной,
В грязи шумя и плеща колесом,
Стремятся экипажи; по колено
В воде еще кой-где, вертя кнутом,
С санями ванька тащится, рядком
С лошадкою, покрытой белой пеной;
И тротуар на Невском оживлен;
Толпы ползут туда со всех сторон;
Людей, как мух, живет весны дыханье;
И раздаются шумно восклицанья:
«Что, брат, весна! Я просто в сюртуке —
И ничего!» — «Я тоже налегке».
Лишь скептик, жертва местного недуга
(Зараза эта так у нас сильна),
Заметит: «Да, пожалуй, и весна,

А все, гляди, еще потянет выюга».
Ну, словом, жизни уличной простор!
Точь-в-точь Париж: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальных даже множество контор —

.
.

II

Пойдемте вслед за яркою толпой.
Вот, пышными нарядами пестрея,
Две барыни и барин с бородой,
И с ними сзади красная ливрея.
— Как Петербург нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы северной столицей?
«Что делать? Возвратясь из-за границы,
Невольню старую играешь роль —
Роль Чацкого».

— Ах, это, право, мода!

«Кто странствовал, тот любит наблюдать
В лице толпы особенность народа,
Души его оттенки подмечать.
Один народ угрюм, спокоен, важен;
Тот вдохновеньем блещет; а другой
В лохмотьях — горд, беспечен, но отважен.
Там юг, здесь север с скукой и хандрой;
Куда ни взглянешь — вид полубольной
И мутные глаза без выраженья,
Как будто все прошедшее легло
Свинцом на плечи, рабством на чело.
И ни к какой надежде нету рвенья!

Вы скажете — героем смотрит тот —
Но где же гордость, мысль — душа
геройства?

Всмотритесь лучше — этот весь народ
Есть юноша, убитый от забот
И поседевший в ночь от беспокойства.
Идиотизм на лицах, в сердце лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот она — вот матушка Россия..!»
— Ну, признаюсь, чудесный разговор
На улице!.. Давно ль, с которых пор
Вы бойки так, совсем другие стали!
Я помню вас студентом...

«Я созрел,
В два года много я узнать успел».
— Ужели сердцем вы не трепетали,
Когда родной язык вы услышали?
«Какой язык, и как здесь говорят!
Французские слова на русский лад!
Не тот язык, что искрится алмазом,
И радует, и поражает разом
В устах француза; нет, совсем другой,
Сухой, дипломатически-пустой,
Какая-то привычка к мертвым фразам.
Вы, женщины, вы корень зла всего.
Одушевить язык своей улыбкой,
Сроднить его с своей природой гибкой
И женским сердцем воспитать его
Вы не хотите... Грубая ошибка:
Как ни возись с упрямым языком
Писатели-прозаики, поэты,
Он будет сын, воспитанный отцом,

Не знавший ласк сестры и не согретый
Улыбкой матери».

— Кто ж виноват?..

Вы точно Чацкий... Желчь и злость — что
слово.

Вы нынче вечер с нами?

«Очень рад...

Я так увлекся... Тетушка здорова?»

— Merci. ¹

«А дядюшка?»

— Он очень хил.

«Кузины?»

— Вас увидеть будут ради.

Додо уж замужем... и после дяди

Получит много муж... он очень мил.

«А ваши все друзья?.. Мими?»

— Какая

Мими?

«Брюнетка, помните, живая,

Ваш друг».

— *Fi donc!* ²

«Вы вышли вместе с ней

Из пансиона...»

— Боже мой, молчите!

«Мими... ваш друг?»

— Ах, что вы говорите!

«Вот дружба-то!»

— Нет у меня друзей.

«Жива ль она?»

¹ Благодарю. — *Ред.*

² Фу! — *Ред.*

— Да, умерла... для света.

Мамап, татап, чудесная карета,
Что привезли из Лондона Sophie....
«А где Sophie?»

— Вон там.

«А с ней мосье Fifi?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Но где она, где героиня наша,
Где бедная, где любящая Маша? ..
Убита ли нечаянной грозой?
Иль чистая душа и с ней сроднилась?
Из уст отца проклятье разразилось,
Как гром небес, над юной головой;
Надменный свет, ласкающий невежду
И мытаря, грабителя, шута,
Для ней навек закрыл свои врата
С ужасной надписью: «Оставь надежду»...
(Ты пал — так падай глубже; не мечтай
Когда-нибудь опять увидеть рай,
Где человек блажен, безукоризнен, —
Так скучно чист, так чопорно безжизнен.)

II

Мария все — увы! — пережила...
Пережила: она как прежде любит.
Пусть страсть ее гнетет, терзает, губит,
Ее любовь под бурею была
Еще сильнее и пламенней. Казалось,

Что дивная душа проснулась в ней;
Как под грозой прекрасный цвет полей,
Она в слезах, казалось, укреплялась.
Пусть свет ее карает и разит,
Пусть страшный остракизм на ней лежит:
Что суд толпы посильно беспорочной,
Ругающей непризнанную страсть,
Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый миг готовой втайне пасть?

III

А Клавдий? О, как ей мечталось сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвятить,
Смягчить его, исправить недостатки,
Врожденное добро в душе раскрыть.
Любовь надеется... Однако ныне
Неделя, как исчез он. Жив ли он?
И целый мир для Маши стал пустыней.
Он вспыльчив, он, быть может, завлечен
В дуэль... быть может, кровью истекает,
И не она как друг при нем была...
Ах, лучше пусть убит, чем изменяет —
Вопило сердце, но она ждала.

IV

Звонят. «Он, он!» И молнией блеснула
Ей радость. Взор мгновенно просветлел,
Но крик, напрягший грудь, вдруг излетел
Глубоким вздохом; сердце обмануло —
То был не он.

Вьюшкин

— Я к вам... я послан к вам

От Клавдия.

«От Клавдия? О боже,
Он жив?.. Ах, где он?»

— Жив-то жив.

«Так что же?»

— Как вам сказать, не знаю, право, сам;
Довольно трудно, хоть всего два слова.

«Ах, говорите, я на все готова!»

— Он в полк уехал: срок стал выходить...

«Уехал? Без меня? Не может быть,
Я вас не понимаю».

— Очень ясно:

Уехал в полк.

«И я пойду за ним».

— Послушайте, от вас скрывать напрасно.

Отец его суров, неумолим,

И Клавдий... вас оставил.

«Нет, вы лжете!»

— С чего ж мне лгать пришла охота вдруг?
Вот вам письмо.

«Подложное!»

— Прочтете,

Того не скажете.

«Любезный друг,

Чтоб избежать несносных объяснений,

Мне тягостных, а также и тебе,

Беру перо. Оставь все слезы, пени,

Сообрази и покорись судьбе.

Пора, мой друг, нам наконец расстаться.

Ты — умница, ты все сама поймешь;
Ты хороша, одна не пропадешь;
Итак, прощай, счастливо оставаться!
Верь, не забуду я любви твоей —
На первый раз вот тысяча рублей».
— Вот видите каков он?

«Боже, боже!..»

— Я говорил: ни на что не похоже
Ты, братец, делаешь; а он свое,
Что надоела, надобно ее
Оставить.

«Изверг!»

— Изверг, и ужасный!

Да что вы плачете? Ей-ей, напрасно!
Слезинки б я не пролил за него.
В его душе — святого ничего!
Он говорит, что женщин только любит,
Пока ему противятся они;
Что вопль и слезы только в нем сугубят
Презрение... Мария, верьте мне,
Ни ваших слез, ни мыслей он не стоит...
Не знаю, право, что вас беспокоит.
Да плюньте на него. Несправедлив
Он к вам; да вы ужель его не знали?
Он эгоист бескровный и едва ли
Когда любил — быть может, и счастлив
Он оттого бывал у женщин в свете.
Хотите ль знать, каков он? В нем все ложь,
И доброго и чести ни на грош;
Письмо — все вздор; резоны эти
Всё выдумки, всё те же в сотый раз:
Он просто в Царском; пьет напрапалую.

Кутит как чорт, ведет игру большую.
Я очень рад, что он избавил вас
От объяснений — это труд напрасный.
Вы стали бы тут плакать, он — курить
И в потолок пускать колечки дыма...
Послушайте... вы будете любимы.
Нельзя вас видеть миг и так уйти,
Не полюбить... клянусь, вы так прекрасны...
Не плачьте. Верьте, вы не так несчастны,
Как кажется... Клянусь, вам впереди
Так много в жизни... Маленькая тучка
Примчалась, и чрез миг пройдет гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Мария! Дайте вашу ручку мне...
(Целует руку.)

Ах, ручка, ручка! Только ведь во сне
Такую видишь... Ангел черноокий,
У ваших ног клянусь любить всегда,
Всю жизнь свою любить, как никогда
Он не любил... Не будьте же жестоки,
Позвольте мне любить вас, век любить!..

И он рукой старался охватить
Марии стан. Его прикосновенье
Вдруг вывело ее из онеменья.
«Стыдитесь, что вы?»

— Ангел милый мой!

Отдайтесь мне.

«Пустите!»

— Ангел милый! —

Отчаянье в ней пробудило силы,

Глаза зажглись обиды полнотой,
И — хлоп пощечина... Но наш герой
Нашелся:

— Ну, теперь уж расцелую!
«Подите вон!»

— Нет, расцелую!
«Вон!

Я вас убью!»

— Ты шутишь шутку злую!
Но полно, мир воюющих сторон,
И руку! Вы не в духе?

«Прочь подите!»

— Вы шутите?

«На шаг лишь подступите,
Я размозжу вам голову!»

— Уйду-с...

Эк подняла какую ведь тревогу!

Нет, Клавдий, ты надул меня, ей-богу!

Бесенок! Право, лучше уберусь...

«Ах, Клавдий, Клавдий! Где ты?.. Что
со мною?»

Что сделал ты?»

V

И голос ослабел,
Румянец, вызванный обидой злою,
Угас, и лик как будто помертвел.
Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было с ней... Хваталась руками
За голову, как будто удержать

Старалась разум; мутными глазами
Искала все кого-то... Давит грудь
Стесненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... но — увы! —

в страданьи

И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила снова,
И вырвались из уст и стон и слово:
«Он обманул!.. Я всем теперь чужда...
Он прав, все скажут, он ведь никогда
И не любил: она одна любила...»
И горькое рыданье заглушило
Ее слова...

VI

Что ж думала она?

Какая мысль в душе свинцом лежала?

Что из груди разбитой исторгало

То стон, то плач, то хохот, то порой

В очах сияло тихую слезой?

Одно: «он разлюбил»... В ней сердце,

разум,

Вся жизнь ее, казалось, были разом

Убиты этим словом роковым.

«О, если б хоть увидеться мне с ним!

Вот деньги... О, палач без состраданья!

Он выкуп дал позора моего!

Ах, где он сам, где низкое созданье?

Я б бросила ему в лицо его

Червонцами... Одно, одно осталось!»

И будто светлой мыслию чело
Вдруг просияло; точно отлегло
От сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

VII

Мария шла дрожащею стопой,
Одна, с больной, растерзанной душой.
«Дай силы умереть мне, правый боже!
Весь мир — чужой мне... А отец?..

Старик...
Оставленный... и он... он проклял тоже!
За что ж? Хоть на него взглянуть бы миг,
Все рассказать... А там — пусть
проклинаят!»

Одна идет; сторонится народ,
Кто молча, кто с угрозой, кто шепнет:
«Безумная!» — и в страхе отступает.
И вот знакомый домик; меркнул день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицам ложилась
От фонарей, дерев и кровель тень.
Вот сад, скамья, поросшая травой,
Под ветвями широкими берез.
На ней старик. Последний клочок волос
Давно уж выпал. Бледный, он казался
Одним скелетом. Ветхий вицмундир
Не снят: он, видно, снять не догадался,
Придя от должности. Покой и мир
Его лица был страшен: это было
Спокойствие отчаянья. Уныло

Он только ждал скорей оставить мир.
Вдруг слышит вздох, и листья задрожали
От шороха. «Что, уж не воры ль тут?
А пусть все крадут, пусть все разберут,
Ведь уж они... они ее украли...»
Старик закрыл лицо и зарыдал,
И чудятся ему рыданья тоже,
И голос: «Что я сделала с ним, боже!»
Не зная как, он дочь уж обнимал,
Не в силах слова вымолвить. «Папаша,
Простите!» — Что, я разве зверь иль жид? —
«Простите!» — Полно! Бог тебя простит!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?..

<1846>

БАРЫШНЕ

«Вам — быть оракулом!»
(*Petits jeux*)

Вас, ангел, реюший в гостиных,
Краса и диво наших зал,
Вас, примадонна игр невинных,
Наш лучезарный идеал,
Дерзаю робкими струнами
Я славить... Сердцем и душой
Благоговею перед вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: ваш стан так строен,
Так очи светлы, взор спокоен...
Так широко из-под кольца
На грудь, на плечи восковые
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу творца
И вашей маменьки искусству.
Так много вашим красотам,
Движеньям, взглядам и словам
Придать и грации и чувства!
Она взрастила вас в тиши,

1 Светские игры. — *Ред.*

Храня от страшных бурь души,
Вам ум и волю заменяя,
За вас прочувствовать желая
Все, чем нас губит жизнь, томит,
Хотя мгновенно веселит...
Так цвет изнеженной лилеи
Хранят в тепле оранжереи.
Его мороз не прошибал
И бурный ветер не сгибал,
Хотя не пил головкой жадной
Он утра свежести прохладной,
Не красовался он, блестя
Весь в каплях вешнего дождя,
Сквозь солнце вспрыснувшего поле...
Вы, нежась в сладостной неволе,
Лелея тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая ум мечтой
И жизнь себе изобретая...
И эта жизнь — не шумный пир,
Особый, светлый чудный мир:
Как в фантастическом балете,
Из-за прозрачной кисеи,
Встают пред вами в тихом сеете
Картины счастья и любви;
Среди волшебных декораций,
Средь групп эфирных нимф и граций,
Над урной спящих стариков,
Под сенью лотосных листов,
Огромных раковин, кристаллов
И фантастических кораллов,
Ковром душистой муравы

Чудесно странствуете вы...
Но не одни: крылатый гений
Ведет вас... Там сияет храм...
И тихо мраморных ступеней
Уже коснулись вы... и там
Священный жертвенник с цветами
Перед богинею возжен...
Кто ж этот гений?.. Да! он, он!
Его я видел... Ведь он с вами
Вчера мазурку танцовал,
Разочарованным казался,
Так ус крутил, так зло смеялся,
Так всю вас взором пожирал,
Так крепко шпорами стучал...
Его я знаю; с уваженьем
Всегда внимаю я сужденьям
Его о винах и конях...
Счастливец! он один виденьем
Мелькает в ваших легких снах...
Понятно мне, зачем бледнели,
Краснели вы пред ним; зачем
Вчера с таким вы чувством пели:
*Si tu savais, combien je t'aime!*¹
Но, боже мой!.. вот туча всходит,
Я вижу, меркнет небосклон,
Виденье милое проходит,
Как мимолетный легкий сон...
Я вижу...

Тихо в вашей спальне

¹ Если бы ты знал, как я тебя люблю. — *Ред.*

Проснулись утром вы, лежат
Вкруг вас цветы, убор ваш бальный,
Венок, браслет, и ваш наряд
Разбросан в милом беспорядке;
Уж вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется: вам сладко
Ночные грезы продолжать,
К груди подушку прижимая,
Бог знает что воображая,
Уста сжимать и разжимать...
Внезапным маменьки приходом
Все прервано; целуя вас,
С вас не спуская зорких глаз,
Она вас спросит мимоходом:
«Как нравится тебе NN?»
Вы отвечаете наивно:
— Он в парике и препротивный!
«Умен...» — Мамаша! старый хрен!
«И добр...» — И пахнет так духами!
«Богат и мил...» — «Богатство... вздор!
«Не стар и уж богат чинами...»
Короче, этот разговор
Такое кончит заключенье,
Что брак по страсти — заблужденье,
Что страсть пройдет, как метеор...
И правда!.. Вам потом одетой
Велят к обеду быть; жених
Вам привезет уже браслеты.
Пред ним бледнея каждый миг,
Ему вы будете собираться
Сказать, во всем ему признаться;
Но неостанет силы в вас

Ему изречь простой отказ...
И вы поплачете немного...
Дня через три пройдет печаль;
Все скажут хором: «слава богу!»,
Никто про вас не скажет: «жаль!»
Вам осенят венком цветущим
Из белых роз, обвитых плющем,
Широкий узел черных кос,
Все ахнут: «как она прекрасна!»,
И не заметят робких слез,
Слез Ифигении несчастной
Перед Калхасовым ножом...
Но это миг один... Потом
И вы привыкнете к супругу,
Как в детстве к нянюшке своей,
К его значенью, чину, кругу
Тяжелых будничных идей;
Приняв восточную небрежность,
Вы девок станете ругать
И мужу каждый раз являть
В очах особенную нежность,
Когда он в службе отличен,
Иль высших ласкою почтен;
Он на звезду свою укажет,
Прочтет патент и нежно скажет:
«Все для тебя я» — и солжет...
В кругу хозяйственных забот,
За самоваром иль в гостиной,
Пленяя милой болтовней,
Смеясь шуточке невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вечно будете казаться

(Что свет про вас ни говори)
Созданьем розовой зари
И легкокрылого зефира,
И выше праха, выше мира!
Что мир вам? — грязная нужда
И нищета в лохмотьях бедных,
Толпа страдальцев, грубых, бледных,
С безумным взором, без стыда,
С клеймом насильного разврата,
С клеймом проклятья от собрата,
Чужда вам будет и чудна,
И отвратительно страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «То их вина...
Зачем они не соблюдали
Долг добродетели святой!»
С какую гордостью прямой
Себя бы с ними вы сравнили,
Хотя без нужды, без борьбы
Быть добродетельной купили
Вы златом право у судьбы...
Зато другие твари мира
В вас сострадание найдут
И даже слезы извлекут:
И в клетке птичка, дочь эфира,
И заяц жареный... Увы!
Невольно вспомните тут вы,
Что он тот самый, что пугливо
Дорогу вам перебегал,
Пугал вас в роще, торопливо
Скакнув из листьев, и нырял
В златистом море пышной нивы.

И что ж! сгубил его тиран,
Убийца тварей беззаботных...
Так вы в страданиях животных
Прочтете истинный роман,
И в жизни, полной тихой лени,
В вас успокоится на миг
Потребность сильных ощущений,
Источник болей головных.

Но тут не все. Неся условия,
Оковы среднего сословья,
Вы не сроднитесь с ним душой:
Читать вы будете порой
Романы из большого света
И на себе их примерять,
И в новых формах этикета
Его свободу применять...
Средь жизни мирной, жизни чинной,
Благопристойной и невинной,
Желая душу отвести,
Следить вы будете упрямо
Траги-нервические драмы,
Симпатизируя вполне
(К досаде нежного супруга)
С печальной ролью *jeune premier*,¹
Как он, обманывая друга,
Питает страсть к его жене.
И тайна их вас всю заманит,
И, их успехом дорожа,
Когда супруг их вдруг застанет,

¹ Первого любовника. — *Ред.*

Вы вскрикнете, за них дрова...
Потом услышите случайно,
Что ваша милая Мими
Являлась в маскараде тайно
И с незнакомыми людьми,
Особенно с одним гусаром,
Ходила под руку и с жаром
С ним говорила, и потом
Он втерся кое-как в их дом
И поутру, как мужа нету,
С визитом к ней являться стал.
Вкруг вас, как будто по обету,
Восстанет целый трибунал:
В величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, как гром,
Вы страшным грянете судом
За честь общественной обиды...
Но... о, блаженны вы стократ,
Когда свет истины суровой
Не потревожит сна тупого,
Которым чувства ваши спят;
Когда, с пелен не зная жизни,
Весь век лишь призраки лова,
Во гроб сойдете не живя,
Без слез, без горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдруг,
Что были вы товаром торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясений жадный дух
И ваши девственные ласки
Служили красною ценой
За мужнин сан, балы, коляски

И ваш искусственный покой;
Всей вашей жизни машинальность,
Проделки ласки должностной,
Приличий вечных театральность
Вы вдруг постигнете душой, —
Придут часы тяжелой муки,
Вы, сжав уста, ломая руки,
Воскликнете: «Я не жила!
Что богом мне дано на долю,
Все — ум, подавленную волю
Другим на жертву предала!
За то, чтоб светской черни лепет
Не очернил меня шутя,
Душила в сердце страсти трепет,
Как незаконное дитя...
Хотя б узнать любви томленья!
Хотя б изведать, хоть на миг,
Страданья страстного сомненья!...
Хотя бы слышать страсти крик
Хоть раз, в устах не подавленный...
Хоть миг один, чтобы узнать,
Зачем страдать, за что страдать!...»
И взор, мгновенно оживленный,
Во след отчаянья сверкнет
Вдруг воли вспышкой. И вот,
С престола долга и приличья,
Где вы сияли без пути
В своем бессмысленном величьи,
Вы рады будете сойти...
Но это миг... и страшно станет...
И взор испуганный отпрянет,
Как бы от бездны под ногой...

И ночь в бесплодной агонии
Пройдет опять... и вот с зарей
Лучи рассвета голубые,
Сливаясь с вспышкой золотой
Ночной лампы, как статую,
Без жизни, скорбную, немую,
Сквозь окон озарят ваш лик...
Склоняся к креслам головою,
С упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сон ваш дик
И смутен, в сердце кровь вскипает,
По членам холод пробегает...
Открылась дверь; явился вдруг
Ваш возвратившийся супруг
С официальной ассамблеи.

— Ах, душенька, ты не спала? —
И вы, открывши взор свой влажный,
Ему промолвите, протяжно
Зевая: «Все тебя ждала...»

Потом?

Потом... какой развязки
Еще вам ждать от этой сказки?..
Потом во славу небесам
Войдет все в путь обыкновенный:
Опять придется вечно вам
Смеяться шуточке почтенной,
Терпеть нарядного шута,
Карать порок судом гостиным,
Когда он деньгами иль чином
Не откупился от суда...

Потом?

Потом на ум, на чувство
Дремота ляжет, как дурман,
И даже нравится искусство
Вам опостылит. На диван
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкруг вас усядутся рядком,
Как пред японским божеством,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевных бурь пройдет и след,
И страсти уж навек уймутся,
И цепи снова вам придутся,
Как ловко скроенный корсет.

1846

САВОНАРОЛА

В столице Медичи счастливой
Справлялся странный карнавал.
Все в белом, с ветвию оливы,
Шли девы, юноши; бежал
Народ за ними; из собора,
Под звук торжественного хора,
Распятые иноки несли
И стройно со свечами шли.
Усыпан путь их был цветами,
Ковры висели из окон,
И воздух был колоколами
До гор далеких потрясен.

Они на площадь направлялись.
Туда ж по улицам другим,
Пестрея, маски собирались
С обычным говором своим:
Паяц и, с лавкой разных стеклянок,
На колеснице шарлатан,
И гранд, и дьявол, и султан,
И Вакх со свитою вакханок.
Но, будто волны в берегах,
Вдруг останавливались маски.

И прекращались смех и пляски:
На площади, на трех кострах,
Монахи складывали в груды
Всё то, что тешит резвый свет
Приманкой неги и сует.
Тут были жемчуг, изумруды,
Великолепные сосуды,
И кучи бархатов, парчей,
И карт игральных, и костей,
И сладострастные картины,
И бюсты фавнов и сирен,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстных кантилен,
И кучи масок и корсетов,
Румяна, мыло и духи,
И эротических поэтов
Соблазна полные стихи...
Над этой грудой стояло,
Верхом на маленьком коньке,
Изображенье карнавала —
Паяц в дурацком колпаке.

Сюда процессия вступила.
На помост встал монах седой,
И чудно солнцем озарило
Его фигуру над толпой.
Он крест держал, главу склоняя
И указуя в небеса...
В глубоких впадинах сверкая,
Его светилися глаза:
Народ внимал ему угрюмо
И рвал бесовские костюмы,

И, маски сбросивши, тайком
Рыдали женщины кругом.
Монах учил, как древле жили
Общины первых христиан.
«А вы, — сказал, — вы воскресили
Разбитый ими истукан!
Забыли в шуме сатурналий
Молчанье строгое постов!
Святую библию отцов
На мудрость века променяли;
Пустынной манне предпочли
Пиры египетской земли!
До знаний жадны, верой скупы,
Понять вы тщитесь бытие,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое? ..
О мать божия! тебя ли,
Мое прибежище в печали,
В чертах блудницы вижу я!
С блудниц художник маловерный
Чертит, исполнен всякой скверны,
И выдает нам за тебя! ..
Разврат повсюду лицемерный!
Вас тешит пестрый маскарад —
Бес ходит возле каждой маски
И в сердце нам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети! ..
Пора! Зову я вас на брань.
Из-за трапезы каждый встань,

Где бес пирует! Бросьте яству!
Спешите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здесь искупление грехам!
Проклятье играм и костям!
Проклятье льстивым чадам ада!
Проклятье мудрости людской,
В которой овцы божья стада
Теряют веру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
В сей день великий искупленья
Свои нам молнии пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь дом греха испепели!»

Умолк — и факелом зажженным
Взмахнул над праздничным костром;
Раздался пушек страшный гром;
Сливаясь с колокольным звоном
Те Deum¹ грянул мрачный хор;
Столбом встал огненный костер.
Толпы народа оробели,
Молились, набожно глядели,
Святого ужаса полны,
Как грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобретенья сатаны,
И как фигура карнавала —

¹ Тебя, бога, хвалим. — *Ред.*

Его колпак и детский конь —
Качалась, тлела, обгорала
И с шумом рухнула в огонь.

Прошли года. Монах крутой,
Как гений смерти, воцарился
В столице шумной и живой —
И город весь преобразился.
Облекся трауром народ,
Везде вериги, власяница,
Постом измученные лица,
Молебны, звон да крестный ход.
Монах, как будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжимал,
И дерзко ссорился он с папой,
В безверьи папу уличал...
Но с папой спорить было рано:
Неравен был строптивый спор,
И глав венчаных Ватикана
Еще могуч был приговор...
И вот опять костер багровый
На той же площади пылал;
Палач у виселицы новой
Спокойно жертвы новой ждал,
И грозный папский трибунал
Стоял на помосте высоком.
На казнь монахов привели.
Они, в молчании глубоком,
На смерть, как мученики, шли.
Один из них был тот же самый,
К кому народ стекался в храмы,
Кто отворял свои уста

Лишь с чистым именем Христа;
Христом был дух его напитан,
И за него на казнь он шел;
Христа же именем прочитан
Монаху смертный протокол,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всех сторон,
Как рухнул с виселицы он,
И пламя вмиг его объяло,
И, задыхаясь, произнес
Он в самом пламени: «Христос!»

Христос, Христос! но, умирая,
И по следам твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! он понял ли тебя?
О нет! скорбящих утешая,
Ты чистых радостей не гнал,
И, Магдалину возрождая,
Детей на жизнь благословлял!
И человек, в твоём ученье
Познав себя, в твоих словах
С любовью видит откровенье,
Чем может быть он свят и благ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятил, — и возросло
Оно могуче и светло;
Доминиканца ж лик суровый
Был чужд любви — и сам он пал
Бесплодной жертвою...

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

*Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову,
А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Ду-
дышкину, А. И. Халанскому и всем понимаю-
щим дело*

Себя я помнить стал в деревне под
Москвою.

Бывало ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шопотом о ней друг с другом речь
ведем...

С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то
время мне

Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще
хранится...

В столицу приведен насильно точно я;
Как будто всем чужой, сижу на чуждом
пире,

И, кажется, опять я дома в божьем мире,

*

Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я
поднялся, —

Откинешься на луг и смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не
сомкнет...

О чудный сон! душа, бог знает, где, далеко,
А ты во сне живешь, как все вокруг
живет...

Но близкие мои — увы! — все горожане...
И странствовать в лесу, поднявшись с
зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний
зной —

Им дико кажется, и всякий раз я знаю,
Что, если с вечера я леса разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «грешно, мол, для
поэта

Позабывать Парнас и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон
прогнать,

Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!
Лесистых берегов обрывы и изгибы,
Как зеркалом, водой повторены. Везде
Полоски светлые от плещущейся рыбы

Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде. . .
Смотрю — усач-солдат сложил шинель на травку,

Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. — Пришли побаловать

Маленько, — говорит. «Нет, клев-то как, служивый?»

— А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,

Что в час-то на уху успели натаскать. —
Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?

Закину, думаю, я разик — и назад!

Есть место ж у меня заветное: там скат

От самых камышей и мелкие каменья.

Тихонько удочки забравши, впопыхах

Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул

кто-то.

Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодей-рыбаки уж тут давно: вон с челном

Запрятался в тростник, тот шарит в

глубине. . .

Есть что-то страстное в вниманьи их

безмолвном,

Есть напряжение в сей людной тишине:

Лишь свистнет в воздухе леса волосяная,

Да вздох послышится — упорно все молчат

И зорко издали друг за другом следят.

Меж тем живет вокруг равнина водяная,

Стрекозы синие колеблют поплавки,

И тощие кругом шныряют пауки,

И кружится, сребрясь, сетков веселых стая,
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.
Но вот один рыбак вскочил, и трепеща
Все смотрят на него в каком-то страхе

чутком:

Он, в обе руки взяв, на удилище гнутком
Выводит на воду упорного леща.

И черно-золотой красавец повернулся,

И вдруг взмахнул хвостом — испуганный,

рванулся, —

«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину

Идет чудовище, и ходит, вся в струну

Натянута, леса... дрожь вчуже пробирает!..

А тут мой поплавок мгновенно исчезает.

Ташу — леса в воде описывает круг,

Уже сияет пасть зубастая — и вдруг

Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норы щук,

Другую удочку за тою же травую

Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,

Исполненный надежд, волнуясь от страха,

Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О тварь негодная!.. От злости чуть не

плачу;

Клянусь себя, людей и мир за неудачу,

И как на углях, закинув вновь, сижу,

И только комары, облипшие мне щеки,

Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу,

Как яркие горы там при солнце заходящем!

Как здесь, вблизи меня, с своим шатром
сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям
горным.

С той стороны село. Среди серебристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!

Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого все злое прочь гоня,
Не вы ль, мира с людьми, учили жить
меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни
звука.

На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался весел плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ,
ни щука!

Вот, если бы чем свет забраться в
тростники,

Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то, почти к воде припавши... тут
охота!..

Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все
челноки,

Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах

О всех событиях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,
Меж тем как из лесу чуть слышным

ветерком,

Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовью в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?

Бывало, с милою свиданье улучив,

И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы?
что вы?

Что значит этот клик и смеха дружный

взрыв?

Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с

вами!

Истома сладкая ко сну меня зовет.

Прощайте! добрый сон!.. уже двенадцать
бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами

Все катится вода огнистыми струями,

И ходят поплавки. На миг лишь задремал —

И, кажется, клюет!.. Тут полно, сон

пропал;

Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу через забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной
солью.

Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не
вспорхнет, —

Но чувствую уже, что будет лов счастливый.
И точно. Дождь потом зашлепал все сильнее;
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с
холодком —

Со дна и поверху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две
щуки...

Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! и в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью
ясной,

Две щуки на шнурке, вхожу я
с торжеством...

И криком все меня встречают: «ах,
несчастный!...»

Непосвященные! напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщал к парнасскому союзу!

Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности
пестрой

За лавром, и хвалой, и памятью веков:
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени,
и мхов,

Таинственностью дух питай в святой
пустыне!

Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой осоке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись
со мной;

Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей и, усадив за ольхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистный,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как рождается новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы
завеса

И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с богом говори!
Да, просветлен тобой, дыша, как часть
природы,

Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К серебристой старости, был весел, как дитя!

БАБУШКА И ВНУЧЕК

В святцах у бабушки раз
Внучек цветок увидал;
«Тут сувенирчик у вас, —
Он улыбаясь сказал. —

Что, если б он говорил?
Может быть, целый роман
Мне бы теперь он открыл...
Был бы и муж там тиран,

Ночь, соловей и луна,
Быстрый свидания час...
Было — и в те времена —
Много, чай, всяких проказ?..»

— Грех над старухой шутить... —
Бабушка внучку в ответ. —
Кто ж бы еще подарить
Мог мне его, как не дед? —

«Дедушкин это цветок? —
Внучек опять. — Признаюсь,
Вот угадать бы не мог!
Дедушка! этакий туз!»

— Молод покойничек был!..
Ну, да и я-то тогда...
В мыслях-то ветер бродил!..
Тоже была молода... .

Ездили раз мы весной,
В ранний улов стерлядей,
К мельнице нашей лесной...
Батюшка... много гостей...

Я и стою на мосту;
Вкруг молодежь мне поет
Все про мою красоту:
Что тут на ум не взбредет?

Мельница так и дрожит;
Омут-то в пенных буграх
Ходенем ходит, кипит,
Так что и вспомнить-то страх!

В воду и кинь я цветок!
«Кто, — говорю я, — спрыгнет
С мосту отсюда в поток
И мой цветок принесет,

Тот мне и есть кавалер!» —
Все засмеялись вокруг;
Только один офицер
С мосту-то прямо и — бух!

Я обомлела. Народ
Бросился к лодкам, к реке...

Только глядим — он плывет,
Держит цветок мой в руке...

Мне подает: я готов
Жизнь, мол, за вас положить!..
Вот молодец был каков!
Да, не любил он шутить!

Дедушку я твоего
Тут и узнала тогда...
Так и пошла за него...
Был человек это! .. Да! ..

Старого века кремень!
Барин он был матерой!
Сёл что имел, деревень!
Видный, красавец собой,

Соколом ясным ходил!
Первым везде был лицом!
Что он народу кормил!
Ну, да и сам жил царем...

В гости ль меня вывозил —
В золото, жемчуг, атлас,
Словно царицу рядил,
Словно как вез на показ!

Серый лихой шестерик
Держит едва под уздцы...
Кучер был сила-мужик!
И гайдуки молодцы!

И, как жила я за ним,
Тронуть меня уж не смей
Кто хоть бы словом худым:
Со свету сгонит — ей-ей!

Да, это был человек!..
Нынче и род уж не тот!
Нынче — не тот уж и век!
Мелкий пошел все народ!.. —

«Бабушка! — внучек прервал. —
Я от самих стариков
Часто про деда слышал:
Он не совсем был таков!

Был он — надменный богач!
Жил — азиатским пашой;
Сам и судья и палач,
Ночью ездил на разбой;

И в душегубстве не раз
Был по суду обвинен...
Правда, в то время у нас
Знатному что был закон!

Пьянство и ночью и днем!
В доме жил целый гарем!
Вы же — всю жизнь под замком
В страхе дрожали меж тем.

Вас-то он будто любил!
Боже мой! он, как злодей,

Вашу всю жизнь загубил,
Вас загубил и детей!

Месяц иль два присмирив,
Первой-то страстной порой,
Ласков был с вами, как лев
С львицей своей молодой!

Ну, а как душу отвел...
Бабушка! сердце во мне
Рвется при мысли — что зол
Вынесли вы-то одне!

Верьте, люблю я, как мать,
Вас за страдальный ваш век.
Что ж от меня вам скрывать!
Дед был — дурной человек!»

Бабка трясет головой,
Шепчет на речи его:
— Что говорить мне с тобой!
Ты не поймешь ничего! —

Вяжет старушка чулок,
Вяжет чулок и молчит,
И на засохший цветок
Нежно порою глядит...

Смотрит на бабушку внук...
Он изумлен, что у ней
Слезы закапали вдруг
Тихо из тусклых очей...

В жизни дитя — не умел
Сердце еще он понять!
Он испытать не успел,
Как оно может прощать!

Как из-за прошлых скорбей,
Их разгоняя, что тьму,
Сладкий лишь миг все ясней
Издали светит ему;

И, как святой идеал,
Образ рисует того,
Кто это сердце терзал,
Кто так измучил его!..

ПРИГОВОР

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе, на Констанцском,
Богословы заседали;
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп — предать сожжению,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложениях,

Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как все он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «bene, bene!»¹
Люди, опытные в споре;

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит,
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора немного
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам;
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам;

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,

¹ Хорошо, хорошо! — *Ред.*

Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел, развеселился —

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду все собрание:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты, —
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа! —
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуня весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилось молчанье,
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец:
Из пустыни вызван папой,

И почтен за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой, —

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья;

И как шопот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса» прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он — и, объятая
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова;

«Пробудитесь! — возопил он,
Бледный, ужасом объятый. —
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,

Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый!
К вам простер мои объятия,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». — Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет бог» запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем, —

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,
Возвращавшийся с пирушки.

1860

КТО ОН?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбацья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый,
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй,
дед!» —

А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди, да у моря сиди.

Вам ведь все ничто, боярам,
А челнок для рыбака

То ж, что бабе веретена,
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь
грешно!..

Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня, и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,

Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эго слово
Молвил! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1841—1868

В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ ¹

Ночь на дворе и мороз.

Месяц — два радужных светлых венца
вкруг него...

По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби
и слез...

Тихо лампада пред образом спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;

Тихо бояре стоят по углам;
Тих и недвижим лежит, головой к образам,
Князь Александр, черной схимой
покрыт...

Страшного часа все ждут: нет надежды,
уж нет!

Слышится в келье порой лишь болящего бред.
Тихо лампада пред образом спаса горит...

Князь неподвижно во тьму, в
беспредельность глядит...

Сон ли проходит пред ним, иль видений
таинственных цепь —

¹ Городец на Волге; там умер на возвратном пути из Орды в. к. Александр Ярославич Невский в 1263 году.

Видит он — степь, беспредельная бурая
степь...

Войлок разостлан на выжженной солнцем
земле.

Видит: отец! смертный пот на челе,
Весь изможден он, и бледен, и слаб...

Шел из Орды он, как данник, как раб...

В сердце, зная, сил не хватило обиду
стерпеть...

И простонал Александр: «Так и мне
умереть!..»

Тихо лампада пред образом спаса горит...

Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...

Видит: шатер, дорогой, златотканый
шатер...

Трон золотой на пурпурный поставлен
ковер...

Хан восседает среди тысячи мурз и князей...

Князь Михаил¹ перед ставкой стоит
у дверей...

Подняты копыя над княжеской светлой
главой...

Молят бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканам вовек!» — он
твердит...

Миг — и повержен во прах он лежит...

Топчут ногами и копыями колют его...

Хан изумленный глядит из шатра своего...

¹ Кн. Михаил Черниговский.

Князь отвернулся со стоном и, очи
закрыв, —
«Я ж, — говорит, — поклонился болванам,
через огонь я прошел,
Жизнь я святому венцу предпочел...
Но, — на спасителя взор устремив, —
Боже! Ты знаешь: не ради себя,
Многострадальный народ свой лишь паче
души возлюбя!..»
Слышат бояре и шепчут, крестясь:
— Грех твой, кормилец, на нас! —

Тихо лампада пред образом спаса горит...
Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...
Снится ему Ярославов в Новгóроде
двор...
В шумной толпе и мятеж и раздор...
Все собрались концы и шумят...
«Все постоим за святую Софию, —
вопят. —
Дань ей несут от Угорской земли до
Ганзы...
Немцам и шведам страшней нет
грозы...
Сам ты водил нас, и Биргер твое
Помнит досель на лице, чай, копьё!..
Рыцари — памятен им пооттаявший
лед!..
Конница словно как в море летит
кровяном!..
Бейте, колите, берите живьем

Лживый, коварный, пришельческий род! ..

Нам ли баскаков пустить

Грابتь казну, на правез нас водить?

Злата и серебра горы у нас в погребах,

Нам ли валяться у хана в ногах!

Бей их, руби их, баскаков поганых,

татар! ..»

И разлилася река, взволновался

пожар... ..

Князь приподнялся на ложе своем;

Очи сверкнули огнем,

Грозно сверкнули всем гневом высокой

души —

Крикнул: «Эй, вы, торгоши!

Бог на всю землю послал злую

мзду.

Вы ли одни не хотите его покориться суду?

Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя

не щажу,

Я лишь один на плечах их держу! ..

Бремя нести — так всем миром нести!

Дружно, что бор вековой, подыматься,

расти,

Веруя в чаянье лучших времен, —

Все лишь в конец претерпевый — спасен! ..»

Тихо лампада пред образом спаса горит... ..

Князь неподвижно во тьму,

в беспредельность глядит... ..

Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг

перед ним... ..

Видит он: облитый словно лучом золотым

Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... народом кишат
берега...
Флагами веют цветными кругом корабли...
Гром раздается; корабль показался
вдали...
Правит им кормчий с открытым, высоким
челом...

Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе
говорит...
Вот — перед гробом земные поклоны
творит...
Следом — все люди идут приложиться к
мощам...
В гробе ж — князь видит — он сам...

Тихо лампада пред образом спаса горит...
Князь неподвижно лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
Чудной лицо озарилось красой, —
Тихо игумен к нему подошел и дрожащей
рукой
Сердце ощупал его и чело
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце
зашло!»

У ГРОБА ГРОЗНОГО

Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольно ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во взоре...
Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда,
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она с алчностью добра весь век во зле
терзалась,
И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям;
Был спрос свидетелей; поставлен
приговор, —
Но нечто высшее все медлит утвержденьем,
Недоумения толпа еще полна.
И тайной облечен досель сей гроб
безмолвный...
Вот он!.. Иконы вокруг. Из узкого окна
В собор, еще святых благоуханий полный,
Косой вечерний луч на темный гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся дыме..

О, если б он предстал теперь, в загробной
схеме,

И сам, как некогда, народу речь держал:
«Я царство создавал и создал, и доньше, —
Сказал бы он, — оно стоит четвертый век...
Судите тут меня. В паденьях и гордыне
Ответ мой господу: пред ним я — человек,
Пред вами — царь! Кто ж мог мне
помогать?.. Потомки

Развенчанных князей, которым резал глаз
Блеск царского венца, а старых прав обломки
Дороже были клятв и совести?.. Держась
За них, и Новгород: что он в князьях,
мол, волен!

К Литве, когда Москвой стеснен иль
недоволен!..

А век тот был, когда венецианский яд,
Незримый как чума, прокрадывался всюду:
В письмо, в причастие, ко братине и к
блюду...

Княгиня, мать моя, как умерла? Молчат
Княжата Шуйские... Где Бельский? Рать
сбирает?

Орудует в Крыму и хана подымает!
Под Серпуховым кто безбожного навел
На своего царя и указал дорогу?
Мстиславский? Каешься?.. А Курбский?
Он ушел!

«Не мыслю на удел», — клянется мне и богу,
А пишется в Литве, с панами не таясь,
В обыжных грамотах, как «ярославский
князь»!

Клевещет — на кого ж? .. На самое
царицу —
Ту чистую, как свет небесный, голубицу! ..
Все против! .. Что же я на царстве? ..

Всем чужой? ..
Итти ль мне с посохом скитаться в край
из края?

Псарей ли возвести в боярство — и покой
Купить, им мерзости творить не возбраняя,
И ненавистью к ним всеобщей их связать
С своей особою? .. Ответ кто ж должен
дать

За мерзость их, за кровь? .. Покинутый,
болящий,
Аз перед господом, аз, аки пес смердящий,
В нечестьи и грехе!

Но царь пребыл царем.
Навеки утвердил в народе он своем,
Что пред лицом царя, пред правдою
державной
Потомок Рюрика, боярин, смерд — все
равны,
Все — сироты мои. . .

И царство создалось!
Но моря я хотел! Нам нужно насажденье
Наук, ремесл, искусств: всё с боя брать
пришлось!

Весь Запад завопил: опасно просвещенье
Пустить в Московию! Сам кесарь взор
возвел

Тревожно на небо; двуглавый наш орел

Уже там виден стал — и занавес упала,
И царство новое пред их очами встало...

Оно не прихотью явилось на свет.
В нем не одной Руси спасения завет,
В нем церкви истинной хоругвь, и меч,
и сила!

Единоверных скорбь, чтоб быть ему, молила.
И — бысть!.. Мой дед, отец трудились над
ним:

Я ж утвердил навек, хоть сам раздавлен
им...

Вы все не поняли?.. Кто ж понял? Только
эти,

Что в ужасе, как жить без государства, шли
Во дни великих смут с крестом со всей
земли

Освобождать Москву... Моих князей же
дети

Вели постыдный торг с ворами и Литвой,
За лишние права им жертвуя Москвой!..

Да! Люди средние и меньшие водимы
Лишь верою, что бог им учредил царя
В исход от тяжких бед; что царь, лишь им
судимый,

И зрит лишь на него, народу суд творя;
Ту веру дал им я, сам божья откровенья
О ней исполняя в дни слез и сокрушенья...

И сей священный огонь доныне не угас:
Навеки духом Русь с царем своим слилась!
Да! — царство ваше — труд, свершенный
Иоанном,

Труд, выстраданный им в бореньи
 неустанном.
 И помните вы: все то, что строил он, —
 Он строил на века! Где — взвел до
 половины,
 Где — указал пути... и труд был довершен
 Уж подвигом Петра, умом Екатерины
 И вашим веком...

Да! мой день еще придет!
 Услышится, как взыв испуганный народ,
 Когда возвещена царя была кончина, —
 И сей народный вой над гробом властелина,
 Я верую — в веках вотще не пропадет,
 И будет громче он, чем этот шип подземный
 Боярской клеветы и злобы иноземной...»

III

ТРИ СМЕРТИ

(Лирическая драма)

Посвящается
Николаю Аполлоновичу Майкову

Поэт Лукан, философ Сенека и эпикуреец Люций приговорены Нероном к казни по поводу Пизонова заговора.

Комната в античном вкусе: посредине стол с яствами, около него Люций, эпикуреец, один, как следует, возлежит за обедом. Сенека пишет завещание. Лукан в глубокой задумчивости. В углублении сцены группа друзей и учеников Сенеки.

Люций

(омыв после еды руки водою в чаше, поданной рабом, говорит)

Мудрец отличен от глупца
Тем, что он мыслит до конца.
И вот — я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разит
Всего скорее аппетит.
Я целый час жую, глотаю,
Но все без вкуса — и не сыт!..

Вина попробуем! Быть может,
Живая Вакхова струя
Желудок дремлющий встревожит...
Ну, кто же пьет со мной, друзья?
Лукан!.. да ты как в лихорадке!
В Сенеке строгий стоицизм
Давно разрушил организм!
И если вы в таком упадке —
Немудрено, что в этот час
Мой здравый разум бесит вас!

Лука н

В час смерти шутки неприличны!

Лю ц и й

Но лучше умереть шутя,
Чем плакать, рваться, как дитя,
Без пользы!

Лука н

Мнения различны!

Кто жизнь обжорству посвятил,
Тот потеряет в ней не много!

Лю ц и й

Э, милый! не суди так строго!
Я, признаюсь, еще б пожил,
И неохотно умираю...
Но, чтобы с честью этот шаг
Свершить — в твоих, мой друг, стихах
Себе отваги почерпаю.
«Послание к смерти» помнишь ты?
В нем есть высокие черты!

С скелета смерти снял ты смело
Земной фантазии цветы...

Ты помнишь:

(Декламирует)

«Друзья! нам смерть страшна лишь
чем?»

Все кажется, что не совсем,
Не разом мы умрем,

Что будем видеть мы свой труп,
Улыбку неподвижных губ,
Глаза с тупым зрачком;

А мухи стаей по лицу,
Без уваженья к мертвецу,
И по лбу поползут;

И с содроганьем от тебя
Родные, близкие, друзья
В испуге отойдут...»

Л у к а н

Ужасный образ! как я мог!..

Л ю ц и й

Позволь! в конце — благой урок.

(Читает далее)

«Что даже из земли сырой
За резвой жизнью земной
Следить твой будет слух;

И между тем как над тобой
Весна покров расстелет свой
И запестреет луг, —

Червь на тебя уж нападет
И жадно есть тебе начнет
И щеки и бока...»

Лука н
(перебивая его)

Да перестань!

Лю ц и й
(продолжает)

«И будешь вечно рваться ты
На свет из душевной темноты —
Да крышка-то крепка!

Но, смертный, знай! твой тщетен страх,
Ведь на твоих похоронах
Не будешь зритель ты!

Ведь вместе с дружеской толпой
Не будешь плакать над собой
И класть на гроб цветы;

По смерти стал ты вне тревог;
Ты стал загадкою, как бог,
И вдруг душа твоя

Как радость встретила покой,
Какого в жизни нет земной —
Покой небытия!»

Ведь превосходно! Эпиктетом
Проникнут живо каждый стих!
Прошу покорно — верь поэтам!

Мечты и верованья их
Подвижней тучек золотых! ..
Вы все на колокол похожи,
В который может зазвонить
На площади любой прохожий!
То смерть зовет, то хочет жить,
То снова к жизни равнодушен...
Задача, право, вас понять! ..

Лука н

(вспыхнув)

Что ж этим хочешь ты сказать?
Что ветрен я и малодушен?

Сенека

(переставая писать, удерживает Лукана)

Оставьте спор! прилично ль вам
Безумным посвящать речам
Свои последние мгновенья!
Смерть — шаг великий!

(К Люцию)

Верь, мой друг,
Есть смысл в Платоновом ученье —
Что это миг перерожденья.
Пусть здесь убьет меня недуг —
Но, как мерцание Авроры,
Как лилий чистый фимиами,
Как лир торжественные хоры,
Иная жизнь нас встретит — там!
В душе, за сим земным пределом,

Проснутся, выглянут на свет
Иные чувства, роем целым,
Которым органа здесь нет.
Мы — боги, скованные телом,
И в этот дивный перелом,
Когда я покидаю землю,
Я прежний образ свой приемлю,
Вступая в небо — божеством!

Люций

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего так создан свет,
Что где хоть два есть человека —
И два есть взгляда на предмет?
Твое, как молот, сильно слово —
Но убеждаюсь я в ином...
Существования другого
Не постигаю я умом!
Взгляни на лавры вековые —
Их листья, каждый в свой черед,
Переменяются что год —
Одни спадут, взойдут другие,
А лавр все зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те ж...
Вот так и мы — Лукан, Сенека,
Слуга покорный ваш — умрет...
Отпадший лист! но заживет,
Как прежде, племя человека!
Иной появится певец,
Другие будут жить и вздорить,
Страдать, любить, о том же спорить,
О чем и мы с тобой, мудрец!..

Но пусть по смерти жить мы будем!
(Тебе готов я уступить!)
А всё себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить!
Нам неприятна перемена.
Вот что мне кто-то говорил:
На острове каком-то жил
Философ секты Диогена.
Он в бедном рубище ходил,
Спал, где пришлось прилечь к сараю,
Босой, с клюкой, нужда кругом...
Каким уж случаем, не знаю,
Всему вдруг вздумалось краю
Его избрать своим царем.
Что ж? Царский пурпур одевая
И тряпки ветхие скидая,
О них вздохнул он тяжело
И пожалел удел убогий,
Сказав: ведь было же тепло
Под сей цинической тогой!
Не то же ль с жизнью земной?
Достигши вечного предела,
Жалеешь бросить это тело —
Покров убогий и худой!
Ты говоришь, что мы одною
С богами жизнью заживем?
Да лучше ль нам? Ну, как порою,
Смотря, как мы свой век ведем,
Богини с грозными богами,
Как волки, щелкают зубами!
Смотря, как смертный ест и пьет,
И с смертной тешится любезной,

Они, быть может, бесполезно
Крепясь, облизывают рот!
Что мне в их жизни без волнений?
Мирами, что ли, управлять?
В них декорации менять,
И, вместо всяких развлечений,
Людьми, как шашками, играть,
И, как актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нет! Клянусь,
Я в боги вовсе не гожусь...

Лука н

Нет! не страшат меня загадки
Того, что будет впереди!
Жаль бросить славных дел начатки,
И все, что билося в груди,
Что было мне всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятил!
Мне страшно думать — для чего же
Во мне кипело столько сил?
Зачем же сила эта крепла,
Росла, стремилась к торжествам!
Титан, грозивший небесам,
Ужели станет горстью пепла!
Не может быть! где ж смысл в богах?
Где высший разум? Провиденье?
Вдруг человека взять в лесах,
Возвысить в мире, дать значенье,
И вдруг — разбить без сожаленья,
Как форму глиняную, в прах!..
Ужели с даром песен лира

Была случайно мне дана?
Нет, в ней была заключена
Одна из сил разумных мира!
Народов мысли — образ дать,
Их чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вот мой удел! вот власть моя!
Когда для правды бесприютной,
В сердцах людей мелькавшей смутно,
Скую из слова образ я,
И тут врагов слепая стая
Его подхватит, злясь и лая,
Как псы обглоданную кость,
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилось со мною,
Смотря на жалкую их злость!..
А злоба мрачных изуверов,
Ханжей, фигляров, лицемеров,
С которых маски я сбивал?
Дитя — их мучил и пугал!
Столпов отечества заставить
Я мог капризам льстить моим —
Тем, что я их стихом одним
Мог вознести иль обесславить!
С Нероном спорить я дерзал —
А кто же спорить мог с Нероном!
Он ногти грыз, он двигал троном,
Когда я вслед за ним читал,
И в зале шопот пробежал...
Что ж? не был я его сильнее,
Когда, не властвуя собой,

Он опрокинул трон ногой
И вышел — полотна белее?
Вот жизнь моя! и что ж? ужель
Вдруг умереть? и это — цель
Трудов, великих начинаний!..
Победный лавр, венец желаний!..
О боги! нет! не может быть!
Нет! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудом — о, я верю чуду!
Но должен я и — буду жить!

(Входит центурион со свитком в руке.)

Люций

(указывая на центуриона)

Вот и спаситель! Ну! покуда
Тут нет еще большого чуда.

(К центуриону)

Какие новости?

Центурион

(подавая ему свиток)

Декрет

Сената.

Люций

Други! шлет привет
Сенат к нам! уваженье к власти!

Лука н

Читай!

Люций

Стой! кто решит вперед —
Жизнь или смерть? заклад идет?

Лука н

Я б разорвал тебя на части
За эти шутки!

(Вырывает свиток и читает декрет, в котором, между прочим, сказано, что цезарь, в неизреченной милости своей, избавляет их от позорной казни, дарует им право выбрать род смерти и самим лишит себя жизни, сроку до полуночи. Центурион обязан наблюдать за исполнением декрета и о последующем донести.)

Люций

Недурен слог. Писать умеют.

Лука н

Злодеи! изверги!

Люций

Притом

Приличье тонко разумеют —
Что одолжаться палачом
Неблагородно человеку...

(К центуриону)

Но что ты смотришь на Сенеку?

Лука н

Ты тронут! ты потупил взгляд!
В твоём лице следы смущенья!

О, верь мне, то богов внушенье!
Спаси нам жизнь! благословят
Тебя народы! Пред тобою
Мудрец с маститой сединою —
Он чист как дева, как Сократ!

Центурион

Мой долг...

Лукан

Твой долг! а жить без славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слепцом в грязи кровавой!
О, если долг в твоей груди
Не все убил, то — отведи
Меня в Сенат! Как с поля битвы
Пред смертью ратнику, сказать
Дай мне последние молитвы!
Дай мне пред смертью завещать
Без лжи, перед лицом вселенной,
Все, что привык я неизменной,
Святою истиной считать!

(Центурион, не обращая внимания на Лукана, удаляется в глубину комнаты. Лукан продолжает в сильном волнении)

Я им скажу — в них чести нет!
В них ум какой-то мглой одет!
Для них отечество и слава —
Речей напыщенных приправа!
Величие народа в том,

Что́ носит в сердце он своем;
Убив в нем доблести величье,
Заставив в играх и пирах
Забуть добра и зла различье,
В сердца вселяя только страх,
От правды казнью ограждаясь.
И пред рабами величаясь,
Они мечтают навсегда
Избегнуть кары и суда...
Я им скажу — готовят сами
Свой приговор себе они!
Что упоенные льстецами
И мысля в мире жить одни,
Себе статуи воздвигают,
Как божества, на площадях...
Но век их минет: разломают,
С проклятием растопчут в прах
Отцов статуи их же дети!
Детей проклятий ряд столетий
Не снимет с головы отцов...

С е н е к а

Лукан! оставь, оставь слепцов!

Л ю ц и й

Пришла ж охота на циклопов,
На двуутробок и сорок
Взглянуть пред смертью! взять урок
У них дилемм, фигур и тропов!

Л у к а н

Но как без боя все отдать!..

Хотя б к народу мне воззвать!
Певец у Рима умирает!
Сенека гибнет! и народ
Молчит!.. Но нет, народ не знает!
Народу мил и дорог тот,
Кто спать в нем мысли не дает!

Люций

Да, мил, как бабочка ночная,
Покуда крыльев не ожжет,
Через огонь перелетая...
Народ твой первый же потом
И назовет тебя глупцом.

Лукан

(закрыв лицо руками)

Но цезарь!.. мы ведь с ним когда-то
Росли, играли, как два брата!
Он вспомнит время детских игр,
И приговор свой остановит...
В нем сердце есть... ведь он не тигр...
Рим часто попусту злословит...
Что я ему, мои мечты
Да песни — все мои заботы!..

Люций

Мой бедный мальчик, с жизнью счеты
Еще не кончил, видно, ты!

*(Один из учеников Сенеки входит в комнату.
С ним раб. Он говорит шопотом.)*

Ученик

Друзья, — чур тише, — я с надеждой!

Лукан

Прощенье?..

Ученик

В доме выход есть;
Со мной две женские одежды.
Пробраться к Тибру, в лодку сесть,
И в Остию! беги с Луканом.
А я останусь здесь с рабом.
Лукан с ним сходен видом, станом,
Я сед, гляжу уж стариком...
Бегите! время есть до срока.
И вы уж будете далеко,
Как нас найдут здесь поутру.

Лукан

Я говорил, что не умру!

Сенека

Беги, Лукан! Мне с сединою
Нейдет уж бегать от врагов.

Люций

А жаль! Я б посмотрел, каков
Ты в юбке!..

Ученик

Гибель пред тобою!
Смерть в каждом доме! Целый Рим —
Что цирк. Людей травят зверями.
Постум убит рабом своим;
Пизон вскрыл жилы. Под досками
Раздавлен Кай. Чего ж вам ждать?

Сенека

Мой друг, не дважды умирать!
Раз — это праздник!

Ученик

Но с тобою
Погибнет все! ты много нам
Не досказал!

Сенека

Найдешь и сам
Все, что осталось за мною, —
Лишь мысли истину любя.

Лука

Учитель! я молю тебя!

Ученик

Ведь ты последняя лампада
Во мраке лжи!

Сенека

Оставь меня.
Ни просьб, ни лести мне не надо.
Верь, каждый шаг свой — знаю я!

Ученик

Я это знал... я знал тебя!
О горе! что же будет с нами!..
Жить в мраке, плача и скорбя,

Что свет мелькнул перед глазами —
И скрылся!.. Ты душой высок!
Ты недоступен нам, Сенека!
Ах! правда! в сердце человека
Есть нечто высшее, есть бог!..
Сейчас я видел — и смущеньем
Я поражен как мальчик был...
Я через форум проходил.
С каким-то диким изумленьем
Народ носилки окружил.
В носилках труп Эпихариды...
(Под видом праздников Киприды
Пизон друзей сбирал к ней в дом.)
Вчера она, под колесом,
В жестоких муках, не винилась,
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
В носилках петлю изловчилась
Связать платком — и удавилась.
Воскликнул сам центурион:
«В рабынь вселился дух Катонов!»
А Рим? Сенат? весь обращен
Иль в палачей, или в шпионов!

Лука н

Эпихарида!

Ученик

Да, она —

Душа безумных сатурналий.

Лука н

И ты хотел, чтоб мы бежали!

Люций

Бывают точно времена
Совсем особенного свойства.
Себя нетрудно умертвить,
Но, жизнь поняв, остаться жить —
Клянусь, не малое геройство!

Лукан

И смерть в руках ее была
Для целой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы в золоте могла!
На площадях боготворима,
В меди б и в мраморе была,
Как мать отечества!.. О боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образ твой, как совесть, строгий!
Да разве мог я жить, как трус?
Нет, нет! Клянусь, меня не станут
Геройством женщины упрекать!
Последних римлян в нас помянут!
Ну, Рим! тебе волчица — мать
Была! я верю... в сказке древней
Есть правда... Ликтор! я готов...
Я здесь чужой в гнилой харчевне
Убийц наемных и воров!
Смерть тяжела лишь для рабов!
Нам — в ней триумф.

*(Обнимает Сенеку и друзей и говорит,
подняв глаза к небу)*

О боги! боги!

Вы обнажили предо мной

Виденья древности седой
И олимпийские чертоги —
Затем, чтоб стих могучий мой
Их смертным был провозвещатель! . .
Теперь стою я, как ваятель
В своей великой мастерской.
Передо мной — как исполины
Недовершенные мечты!
Как мрамор, ждут они единой
Для жизни творческой черты. . .
Простите ж, пышные мечтанья!
Осуществить я вас не мог! . .
О, умираю я, как бог
Средь начатого мирозданья!

*(Лукан, обняв Сенеку и Люция, уходит,
сопровождаемый ликторами.)*

Сенека

*(хочет за ним следовать, но останавливается на
движение бросившихся к нему учеников и, про-
ведя рукою по челу, говорит тихо и торже-
ственно)*

Одну имел я в жизни цель,
И к ней я шел тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый в ней урок,
Есть буква новая, средь вечной
И дивной азбуки, залог
Науки высшей, бесконечной!
Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведаль,

И что в себе и в ней познал, —
В науку б поздним внукам предал;
Послал он в встречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь окреп в борьбе искусной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я все свершил. Мой образ вылит,
Еще резца последний взмах —
И гордо встанет он в веках.
Резец не дрогнет. Не осилит
Мне руку страх. Здесь путь свершен, —
Но дух мой, жизньию земною
Усовершен и умудрен,
Вступает в вечность... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытия...

*(Друзья с воплями обнимают колена философа.
Смотря на них, он продолжает)*

Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно;
Когда не лишний я на пире;
Когда, идя с народом в храм,
Я с ним молюсь одним богам...
Когда ж толпа, с тобою розно,
Себе воздвигнув божество,
Следит с какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указывает пальцем,
Тебя завидев далеко, —

О, жить отверженным скитальцем,
Друзья, поверьте, нелегко:
Остатки лучших поколений,
С их древней доблестью в груди,
Проходим мертвые, как тени,
Мы как шуты на площади!
И незаметно ветер крепкий
Потопит нас среди зыбей,
Как обесмысленные щепки
Победоносных кораблей...
Наш век прошел. Пора нам, братья!
Иные люди в мир пришли;
Иные чувства и понятия
Они с собою принесли...
Быть может, веруя упорно
В преданья юности своей,
Мы леденим, как вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей.
Быть может... истина не с нами!
Наш ум ее уже неймет,
И ослабевшими очами
Глядит назад, а не вперед,
И света истины не видит,
И вопиет: «спасенья нет!»
И, может быть, иной придет,
И скажет людям: «вот где свет!»
Нет! нам пора!.. Открой мне жилы!..
О величайшее из благ —
Смерть! ты теперь в моих руках!..
Сократ! учитель мой! друг милый!
К тебе иду!..

(Уходит, сопровождаемый учениками.)

Л ю ц и й

Ты кончил хорошо, Сенека!
И славно выдержал!.. Ну, вот —
Героем меньше!.. Злость берет,
Как поглядишь на человека!
Что ж из того, что умер ты?
Что духом до конца не падал?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоров задал
Дня на два! Вот и подвиг твой!

(Смотрит в окно на небо и дальние горы)

Как там спокойно! Горы ясны...
Вот так и боги безучастно
С небес глядят на род людской!
Да что и видеть?..

(Оглядывается в комнату)

Здесь ужасно

И жить, не только умирать!
А жить осталось немного...
Что ж пользы Немезиде строгой
Час лишний даром отдавать?
Для дел великих отдых нужен,
Веселый дух и — добрый ужин...
По смерти слава — нам не в прок!
И что за счастье, что когда-то
Укажет ритор бородатой
В тебе для школьников урок!..
До тайн грядущих — нет мне дела!
И — здесь ли кончу я свой век,
Иль будет жить душа без тела —
Все буду я — не человек!..

Ну, а теперь, пока я в силе,
С почетом отпустить могу
Я тело — старого слугу...
Эй, раб!

(Входит раб.)

Л ю ц и й

В моей приморской вилле
Мне лучший ужин снаряди,
В амфитеатре, под горами.
Мне ложе уברי цветами;
Балет вакханок приведи,
Хор фавнов... лиры и тимпаны...
Да хор не так, как в прошлый раз:
Пискун какой-то — первый бас!..
В саду открой везде фонтаны;
Вот ключ — там, в дальней кладовой
Есть кубки с греческой резьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабов созвать друзей... Пускай,
Кто жив, тот и придет. Ступай
К Марцеллу сам. Проси покорно,
Хранится у него давно
Горацианское вино.
Скажи, что господин твой молит
Не отказать ему ни в чем,
Что нынче — умирать изволит!
Ну, все... ты верным был рабом,
И не забыт в моей духовной.

(Раб упадает к его ногам.)

Да не торгуйся, не скупись —
Чтоб ужин вышел баснословный!..

Да! главное забыл... Стучись
В палаты Пирры беззаботной!
Снеси цветов корзины ей,
И пусть, смеясь безотчетно,
Она ко мне, весны светлей,
На ужин явится скорей.

(Раб уходит.)

И на коленях девы милой,
Я с напряженной жизни силой
В последний раз упьюсь душой
Дыханьем трав, и морем спящим,
И солнцем, в волны заходящим,
И Пирры ясной красотой!..
Когда ж пресыщусь до избытка,
Она смертельного напитка,
Умильно улыбаясь, мне,
Сама не зная, даст в вине,
И я умру шутя, чуть слышно,
Как истый мудрый сибарит,
Который, трапезою пышной
Насытив тонкий аппетит,
Средь ароматов мирно спит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст настоящего сборника печатается по последнему авторизованному изданию полного собрания сочинений А. Н. Майкова, вышедшему в 1893 году в трех томах.

Произведения, не включавшиеся Майковым в его собрания, даются по прижизненным первопечатным текстам автора. Поэма «Машенька» в настоящем издании впервые приводится полностью, без цензурных изъятий, по рукописи А. Майкова, хранящейся в Институте русской литературы Академии наук СССР. Текст печатается с приближением к современной орфографии и пунктуации.

В настоящем издании изменен принцип размещения стихов по тематическим отделам, какого придерживался сам А. Майков.

Произведения расположены по жанровым группам (I — лирические стихотворения, II — большие лиро-эпические и эпические произведения, III — лирическая драма) в строго хронологическом порядке с учетом, в возможных случаях, месяца их написания. На основании изучения черновых и законченных рукописных текстов стихотворений Майкова уточняются годы создания их; в тех случаях, где указываются две даты, они обозначают время возникновения первого ва-

рианта и окончательной редакции. Все сноски в тексте, за исключением специально оговоренных, принадлежат автору.

1

«Вхожу с смущением в забытые палаты». *Нимфы* — в греческой мифологии богини, олицетворяющие силы природы и населяющие поля, воды и леса. *Грации* (лат.) — богини красоты и изящества.

Гезиод. *Гезиод* — древнегреческий поэт (VIII—VII вв. до н. э.), воспевавший земледельческий труд; систематизатор греческой мифологии. *Аония* — местность в древней Греции с горами Геликон и Парнас, где, согласно легенде, обитали Аполлон и музы. *Амброзия* (греч.) — пища богов, дававшая им бессмертие и вечную юность. *Наяды* (греч.) — нимфы вод.

Мысль поэта. *Гальциона* — птица из семейства зимородковых, одна из красивейших птиц нашего полушария, прославленная в сказках и преданиях.

Сомнение. *Сирены* (лат.) — мифические существа, полуженщины-полурыбы, которые своими песнями завлекали мореплавателей на гибельные рифы. *Дриады* (греч.) — лесные нимфы. *Зевс* (греч.) — верховный бог. *Гелиос* (греч.) — бог солнца. *Фетида* (греч.) — морская нимфа.

Эхо и молчание. Эхо (греч.) — нимфа, зачахнувшая от безнадежной любви к Нарциссу; от нее остался только один голос.

«Все думаю тайную в душе моей питает». Сильван (лат.) — бог лесов и полей. Фавн (лат.) — бог полей, гор и лесов, покровитель стад. Пан (греч.) — бог лесов, покровитель стад.

Из Андрея Шенье. Андрей Шенье (1762—1794) — французский поэт, автор антологических стихов и элегий.

Вакх. Вакх (греч.) — бог виноделия и пиршеств, сын Зевса; в стихотворении пересказывается миф о воспитании Вакха. Ореды (греч.) — нимфы гор. Элида — область в древней Греции. Тимпан (греч.) — бубен. Тирс (греч.) — жезл Вакха, обвитый ветвями винограда и плющом. Сатир (греч.) — спутник Вакха.

Поэзия. Камены (лат.) — богини покровительницы наук и искусств (то же, что древнегреческие музы). Фимиам (греч.) — благовонное вещество. Панорм — древнее название Палермо, города в Сицилии. Фалерн, Пестум, Бландузий — местности в древней Италии; Фалерн славился своим вином, Пестум — розами. Сабинских — сабиняне — коренные жители средней части древней Италии.

О к т а в а. *Октава* — стихотворная строфа из 8 строк с определенным порядком рифм.

Р а з д у м ь е. *Лары* (лат.) — души умерших предков, покровители своих домов. *Церера* (лат.) — богиня покровительница земледелия. *Эмениды* (греч.) — богини охранительницы государственного порядка, мстительницы и заступницы за обиженных и оскорбленных. *Эреб* (греч.) — мрачная часть подземного мира. *Мирт* (греч.) — растение.

«Я в гроте ждал тебя в урочный час». *Кефал* — мифический герой, в которого влюбилась Эос (богиня зари).

С а ф о. *Сафо* (VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса, писавшая лирические стихи; согласно легенде, Сафо кончила жизнь прыжком со скалы вследствие безнадежной любви к холодному красавцу Фаону, любимцу Афродиты (богини любви и красоты). *Эпидавр* — древнегреческий город, в котором, согласно мифологии, был храм и оракул Эскулапа (бога медицины). *Киприда* — одно из названий Афродиты. *Филомела* — дочь афинского царя, по легенде превращенная в соловья.

Г о р а ц и й. *Гораций* (I век до н. э.) — римский поэт.

О в и д и й. *Овидий* (I век до н. э.) — римский поэт, сосланный императором Августом в город Томы на берегу Черного моря (греческое название — Понт); находясь в изгнании, написал «Понтийские послания» в 4-х книгах.

М р а м о р н ы й ф а в н. *Тритон* (греч.) — морское божество, полурыба, получеловек.

В о с т е р и и. *Остерия* (итал.) — таверна, кабачок. *Андрокл* — римский раб, по легенде приговоренный к растерзанию зверьми и пощаженный львом.

«Муза, богиня Олимпа, вручила две звучные флейты». *Олимп* — гора в древней Греции, где, согласно мифологии, обитали боги. *Феб* (греч.) — бог солнца.

В а к х а н к а. *Вакханка* (греч.) — жрица Вакха (бога вина и пиршеств). *Вакханалия* — праздник в честь Вакха. *Аканф* (греч.) — растение.

Э п и т а ф и я. *Эпитафия* (греч.) — надмогильная надпись.

О в и д и й (Послание с Понта). *Консул* (лат.) — высшее должностное лицо в древнеримской республике; появлялся в со-

провождении вооруженных телохранителей — ликторов. *Юпитер* (лат.) — верховный бог. *Авзония* — земля авзонов; так римские поэты называли весь Аппенинский полуостров. *Эвксин* (греч.) — Черное море. *Пинд* — горная цепь в Греции. *Германик*, *Друз* (I в. до н. э.) — римские полководцы, одержавшие ряд побед над германскими племенами. *Батавы*, *тевтоны* — германские племена. *Скифы* — древние степные племена. Об изгнании Овидия см. выше — примечание к стихотворению «Овидий».

На памятнике. *Помона* (лат.) — богиня плодородия.

Барельеф. *Кипридины голубки* — Киприда на античных барельефах, в стихах Сафо изображалась летящей на голубках, ставших постоянными спутницами богини любви. *Плеяды* (греч.) — семь дочерей Атласа (мифического гиганта, держащего на плечах небесный свод), которые были превращены в группу звезд. *Менады* (греч.) — вакханки. *Силен* (греч.) — воспитатель и спутник Вакха.

Е. П. М. Е. П. М. — Евгения Петровна Майкова, мать поэта.

Анакреон. *Анакреон* (VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший вино и любовь.

Sampragna di Roma. *Амфора* (греч.) — сосуд. *Ристание* — конно-спортивное состязание.

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!» *Альбанка* — женщина из Альбано, предместья Рима.

Нищий. *Мурильо* (1618—1682) — знаменитый испанский художник.

Древний Рим. *Аркада* — ряд арок. *Колизей* — амфитеатр-цирк колоссальных (отсюда название) размеров, сооруженный в древнем Риме. *Форум* — площадь в древнем Риме, где сосредоточивалась общественная жизнь города. *Коринфская капитель* — один из видов капители (завершения колонны). *Лициний* — здесь обобщенный образ римского народного героя, реальным прототипом которого был народный трибун Гай Лициний Столон (376 г. до н. э.), боровшийся в течение десяти лет за законы в пользу плебса. О земельном законе Лициния говорит К. Маркс (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I. М., 1830, стр. 255). *Клавдий* (Тиберий Нерон Германик — 10 г. до н. э. — 54 г. н. э.) — римский император. *Фиал* (греч.) — широкая чаша.

Palazzo. *Купидон* (лат.) — бог любви. *Болонская хоругвь* — здесь знамя города

Болоньи (в Италии), под которым в 1846—1849 гг. жители города сражались за свою свободу против австрийских поработителей. *Сократ* (V в. до н. э.) — древнегреческий философ.

Алкивиад. *Алкивиад* (V в. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. *Фрина* — афинская красавица. *Сатрап* — полномочный правитель провинции в древней Персии. *Софисты* (греч.) — учителя красноречия и искусства побеждать противника в споре. *Архонты* (греч.) — правители афинской республики.

Аспазия. *Аспазия* — подруга Перикла, известная своим умом и красотой. *Перикл* (V в. до н. э.) — знаменитый афинский государственный деятель. *Ахилл* — герой «Илиады» Гомера.

Аркадский селянин путешественнику. *Аркадия* — область в древней Греции, населенная главным образом пастухами и охотниками.

М. Л. Михайлову. *Михаил Ларионович Михайлов* (1830—1865) — революционер-демократ, талантливый поэт, прозаик и публицист 50—60-х годов, сподвижник Чернышевского; детские и юношеские годы прожил в Оренбургском крае.

Тарантелла. *Тарантелла* — танец.
Капуцин — католический монах.

Менестрель. *Менестрель* — средневековый певец.

Стрибожьи внуки. *Стрибог*, *Дажьбог* — божества в мифологии древних славян. *Стрибожьи внуки* — так в «Слове о полку Игореве» называются ветры. *Дажьбожьи сыны* (в «Слове о полку Игореве» — «Дажьбожьи внуки») — русские. *Див* — здесь олицетворение сил, враждебных русскому народу. Эпиграфом к стихотворению взяты строки, которые в переводе А. Н. Майкова звучат так:

Чул Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплот...

Пастух. *Гранды* — знатные испанские дворяне.

«Возвышенная мысль достойной хочет брони». *Кимвал* (греч.) — античный музыкальный инструмент в виде медных тарелок.

«О царство вечной юности». *Лизипп* и *Пракситель* — древнегреческие скульпторы (IV в. до н. э.). *Рафаэль* — зна-

менитый итальянский художник эпохи Возрождения.

Олимпийские игры. *Олимпийские игры* — празднества в древней Греции, состоявшие из спортивных состязаний. *Музыкальный* — от слова мусикия — музыка.

Старый дож. *Дождь* — глава государства в Венецианской и Генуэзской республиках в средние века. *Вечерняя звезда*. *Догаресса* — супруга дожа. *Аттила* — царь гуннов, опустошивший Восточную Римскую империю, Германию и Галлию (V в. н. э.). *Лагуна* — мелководный залив. *Лев св. Марка* — герб Венецианской республики. *Перуны* — гром и молния. *Цитра* — струнный музыкальный инструмент.

II

Машенька. О месте и времени напечатания поэмы и отзывах критики — см. вступительную статью к настоящему сборнику. *Пески* — один из районов старого Петербурга. *Ламартин* — французский поэт-романтик первой половины XIX в. *Грёз* — французский художник XVIII в. *Марс* (лат.) — бог войны. *Омир* — Гомер, древнегреческий поэт, с именем которого связываются поэмы «Илиада» и «Одиссея». *Бабель* — в библии название города Вавилона. *Пальмира* — древний

город в Сирийской пустыне. *Прованс* — старинное название провинции на юге Франции. *Брента* — река в Италии. *Феррара*, *Сорренто* — города в Италии. *Канapé* — мягкий диван. *Падишах* — титул турецкого императора. *Тальони* — знаменитая балерина 30-х годов XIX в. *Бурнус* — накидка, мужская и женская верхняя одежда. *Блонды* — шелковое кружево. *Анафема* — проклятие. *Острикизм* — осуждение на изгнание в древней Греции. *Царское* — Царское Село (под Петербургом), где были расквартированы воинские части.

Б а р ы ш н е. *Ифигения* — согласно греческому мифу, дочь Агамемнона, полководца, возглавлявшего поход греков на Трою; прорицатель *Калхас* возвестил, что для удачи похода Агамемнон должен принести свою дочь в жертву богине. *Немезида* (греч.) — богиня возмездия.

С а в о н а р о л а. Стихотворение, написанное в 1851 г., было запрещено цензурой и смогло появиться в печати только в 1857 г. *Савонарола* (1452—1498) — итальянский монах-проповедник, обличавший безнравственность и злоупотребления духовенства и властей. Был повешен по приказу папы. *Медици* — флорентийская фамилия, представители которой стояли во главе Флорентийской республики. *Кантилена* — песня. *Сатурналия* —

в древнем Риме праздник веселья в честь бога Сатурна по окончании полевых работ.

Рыбная ловля. *С. Т. Аксаков* (1791—1859) — известный писатель, автор «Записок об ужении рыбы». *Н. А. Майков* — отец поэта. *С. С. Дудышкин* — критик, соредактор «Отечественных записок» Краевского. *А. И. Халанский* — знакомый Майковых, сенатор.

Бабушка и внучек. *Гайдуки* — так назывались в России (в XVIII в.) лакеи у знатных лиц. *Паша́* — самовластный правитель у турок.

Приговор. *Иоганн (Ян) Гус* (1369 — 1415) — чешский патриот, выступавший против католической церкви, вождь крестьян и горожан в их борьбе против немецких феодалов и церкви; был обвинен в ереси и сожжен в городе Констанце. *Сорбонна* — французский университет, основанный в XIII веке. *Прелат* — высший сановник католической церкви. *Геба* (греч.) — богиня юности. *Ратман* — член городского магистрата.

Кто он? — поэт имеет в виду Пегра Первого.

В Городце в 1263 году. *Угорская земля* — Венгрия. *Ганза* — торговый союз немецких прибалтийских городов. *Биргер* —

шведский граф, управлявший Шведским королевством; под его начальством шведы предприняли в 1240 г. поход против Новгорода и были разбиты русскими близ устья Невы; Александр Невский, стоявший во главе новгородской рати, тяжело ранил копьем Биргера в лицо. *Рыцари — памятен им пооттаявший лед!* .. — намек на «Ледовое побоище» (1242), когда немецкие «псы-рыцари» были разбиты на льду Чудского озера новгородцами, во главе которых стоял Александр Невский. *Баскаки* — татарские сборщики податей. *Гроб с корабля поднимают...* — в предсмертном видении Александра поэт изображает основание Петербурга и перенесение Петром Первым гроба Александра в основанный им Александро-Невский монастырь.

У гроба Грозного. *Шуйский, Бельский, Мстиславский, Курбский* — бояре-изменники, против которых боролся Грозный.

III

Три смерти. Драматизированная поэма «Три смерти», написанная в 1851—1852 гг. (Майков называл ее лирической драмой), была запрещена царской цензурой. Поэт читал ее в литературных кружках и смог напечатать только в 1857 г. (в «Библиотеке для чтения»). Продолжением поэмы является

лирическая драма «Смерть Люция» (1863). Поэма посвящена Н. А. Майкову — отцу поэта. В основу поэмы положены исторические события времен Нерона, римского императора I в. н. э. Философ-стоик *Сенека* и поэт *Лукан*, его племянник, за участие в заговоре Пизона против императора Нерона были приговорены к смерти. *Эпиктет* — греческий философ-стоик (I в. н. э.). *Платон* (V—IV вв. до н. э.) — греческий философ-идеалист. *Аврора* (лат.) — богиня утренней зари. *Диоген* (V—IV вв. до н. э.) — греческий философ. *Центурион* — начальник сотни в римском войске. *Циклоп* — мифический одноглазый гигант. *Взять урок у них дилемм, фигур и тропов...* — т. е. взять урок риторики. *Тибр* — река, на которой стоит Рим. *Остия* — город в Италии возле устья Тибра. *Катон* (III—II вв. до н. э.) — римский государственный деятель, по убеждениям стоик.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аполлон Николаевич Майков. Вступительная статья Н. Гайденкова . . .</i>	V
--	----------

I

Воспоминание	3
Картина вечера	4
Сон	5
«Вхожу с смущением в забытые палаты»	6
Гезиод	7
Мысль поэта	8
Зимнее утро	9
Сомнение	11
Эхо и молчание	12
«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой»	13
«Все думу тайную в душе моей питает»	14
Дионейя	15
Из Андрея Шенье	16
Свирель	17
Вакх	18
Поэзия	19
Октава	20
Раздумье	21
«Я в гроте ждал тебя в урочный час» .	22

Сафо	
1. «Зачем венком из листьев лавра»	23
2. «Звезда божественной Киприды!»	24
Гораций	
1. «Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?»	25
2. «Легче лани юной ты»	26
Овидий	27
Мраморный фавн	28
В остерии	31
Искусство	32
«Муза, богиня Олимпа, вручила две звучные флейты»	33
Горный ключ	35
Вакханка	36
Эпитафия	37
Дума	38
Горы	39
«Дитя мое, уж нет благословенных дней»	40
Овидий (послание с Понта)	41
На памятнике	44
Барельеф	45
Е. П. М.	46
Анакреон	47
Camagna di Roma	48
«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!»	51
Нищий	53
«Скажи мне, ты любил на родине своей?»	55
Amoroso	57
Fortunata	59
Художник	60

Fiorina	61
Lorenzo	62
Древний Рим	64
Palazzo	67
«Люблю, если тихо к плечу моему головой прислонившись»	70
«Истомленная горем, все выплакав слезы»	71
«Еще я полн, о друг мой милый»	72
«Порывы нежности обуздывать умея»	73
Анакреон (И. А. Гончарову)	74
Юношам	75
Алкивиад	76
Аспазия	78
Аркадский селянин путешественнику	80
После бала	82
Филантропы	84
Пейзаж	85
«Весна! выставляется первая рама»	87
«Боже мой! вчера — ненастье»	88
Журавли	89
Мечтания	90
«Точно голубь светлую мечтою»	91
Под дождем	92
Звуки ночи	93
Голос в лесу	94
Болото	95
Летний дождь	97
Сенокос	98
Ласточки	99
Осень	101
«И город вот опять! Опять сияет бал»	103
Весна	105

«Поле зыблется цветами»	106
В лесу	107
Мать и дочь	108
М. Л. Михайлову	112
Колыбельная песня	113
«Ласточка примчалась»	114
На берегах Нормандии	115
Тарантелла	117
Альпийские ледники	120
Менестрель (провансальский романс)	121
Приданое	123
Мать	125
«Я б тебя поцеловала»	127
«Птички-ласточки, летите»	128
Ночь на жнитве	129
В степях.	
1. Ночная гроза	131
2. Рассвет	132
3. «Мой взгляд теряется в торже- ственном просторе»	132
4. Полдень	133
5. Стрибожьи внуки	133
«Осенние листья по ветру кружат»	135
Конь (из сербских песен)	136
Пастух (испанская легенда)	138
«Есть мысли тайные в душевной глубине»	142
«Возвышенная мысль достойной хочет брони»	143
«Маститые, ветвистые дубы»	144
Две белорусские песни.	
1. Петрусь	145
2. «Ой, сынки мои, соколы мои»	148

Весна (посвящается Коле Трескину)	149
Художнику	151
«О царство вечной юности»	152
Перечитывая Пушкина	153
«Мысль поэтическая — нет!»	154
Гроза	155
Олимпийские игры	157
Уж побелели неба своды	158
У Мраморного моря.	
1. «Все — горы, острова, все утрен- него пара»	159
2. «Румяный парус мой стоит»	159
Старый дож	160
«Не отставай от века» — лозунг лживый»	163
«Вчера — и в самый миг разлуки»	164

II

Машенька	167
Барышне	226
Савонарола	237
Рыбная ловля	243
Бабушка и внучек	251
Приговор	257
Кто он?	264
В Городце в 1263 году	267
У гроба Грозного	272

III

Три смерти (лирическая драма)	279
Примечания	303

Редакционная коллегия:

В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Егюлин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев.

Редактор И. Эвентов

Художник Л. Хижинский

Технический редактор О. Котлякова

Корректоры В. Вишнякова и Н. Тырса

М 33384. Подписано к печати 17/IX 1952 г. Формат
бум. 70×108/64 — 2,81 бум. л. = 7,70 печ. л.
Авт. л. 10,69. Уч.-изд. л. 11,34. Тираж 20 000.
Заказ № 1100.

Цена 6 р. 70 к. (по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

